

10-го ноября 1929 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

47

10-го листопада 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

Л. БУДІМЦІВСЬКО

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Людмила Костина: Это было у моря.
 2. Николай Букин: * * Стихи.
 3. Сергей Makeев: Суеверия — не бабы толки.
 4. Я. Рудик: * * Стихи.
 5. Иван Бойко: „Ессе Ното“.
 6. Петр Крюков: Из записок „голутвенного“ казака.
 7. Константин Поляков: * * Стихи.
 8. Его же: Песня свободы.
-
9. Тоже — ответ.
 10. Ис. Быкадоров: „Голутвенные казаки“.
 11. П. И. Кокунько: Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.
 12. Санжа Балыков: О казачьей художественной литературе.
 13. Ф. Штовхань: На пароходе.
 14. М. Самсонов: Очерк по истории физического развития и воспитания.
 15. Думы и мысли.
 16. Казачья эмиграция.
 17. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“.

Германия. — А. Т. — Журнал Вам посылается. Привет.

Канада. — М. Ф. — Пошлемо, коли узнаемо. Вітаємо.

Болгария. — И. Т. — Получено. Хорошо. Привет.

Югославия. — А. З. — Получено. Привет.

Болгария. — А. Ш. — Спасибо за доброе слово. Привет всем.

Болгария. — Б. К. — Теперешние войсковые праздники 5 окт. (по новому стилю 18 окт.) очень недавнего происхождения, Это, собственно, б. день тезоименитства покойного наследника Алексея, который покойный Николай II и сделал войсковым праздником. Настоящий исторический праздник Казачества был и есть 1-го (по нов. ст. 14-го) октября — день Покрова. Этот праздник был когда то действительно всеказачьим праздником. Думаем, что Казачеству пора восстановить свой Праздник. Праздновать сейчас день покойного Алексея Ник. не имеет и смысла.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.

Румыния. — Е. Е. — Получено. Привет.

Франция. — В. — Спасибо. Привет и Вам.

Загреб. — Ф. П. — Ответ будет. Привет.

Польша. — Н. Т. — Сведение из Перу разноречивы. Чтобы установить правду, надо немного подождать, пока первые поехавшие туда рассмотрятся и устроятся. Только тогда можно будет сказать определенно стоит или не стоит туда ехать. Привет.

Польша. — Е. К. — „Воспоминание“ получено. Воспользуемся. Привет.

Подкарп. Русь. — Е. — Послано. Привет.

Польша. — Р. С. — О Перу см. выше. Привет.

Подкарп. Русь. — М. А. — О Перу см. выше один из ответов в Польшу. Привет.

Белград. — Г. К. — Сообщите свой адрес.

Брно. — В. К. — Получено привет.

Югославия. — А. П. — Получено. Жду остальное. Привет.

Париж. — Ф. Е. — Посылается. Привет.

Орловат. — Г. А. — Все получено. Привет.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В Подебрадах: Ф. М. Штовхань.

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Т. Л. Лях.

София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kunišćak, „Ruski dom“, soba br. 9.

В О ФРАНЦИИ

С. М. Makeев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko,

71, rue Vallier, Levallois Perret (près Paris).

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff).

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchecoslovaquie.

№ 47

Прага, воскресенье 10-го ноября 1929 г.

№ 47

Людмила Костина.
(Югославия).

ЭТО БЫЛО У МОРЯ.

Это было у моря, где тенистые парки
Шелестят о любви ароматной листвою,
Где сплетаются странно прихотливые арки
И зефир шаловливо играет с волной.
Там, где плачут утрами румяные зори,
И в стремнинах таится невнятный рассказ,
В первый раз у безбрежно-лазурного моря
И, быть может, последний, я видела вас...
Вы мечтали тогда о безбрежном просторе,
Где купаются чайки, где белеет волна,
И ласкали, как солнце и смеялись, как море,
Лучезарными искрами ваши глаза.
В них таился конец неизбежной развязки,
В них мелькали отрывки развеянных снов,
В них сплетались как в море обаяние ласки,
Поцелуи лучей и безумство ветров.
Зашумела вода, с этим звуком знакомым
В вашей пылкой душе пробудился моряк,
И в лазури, где море слилось с небосклоном,
Потонул навсегда мой заветный маяк.
А вдали трепетало то же синее море,
Все пылало вокруг тем же ярким огнем,
Только слабо стонала, в безграничном просторе
Одинокая чайка с перебитым крылом...

Николай Букин.
(Белград).

Тебе, мой друг.

* * *

Как тоскливо мне, грустно
Одиночество в жизни нести.
Кругом так все пусто,
Порой безразлично... А страшно уйти,
Страшно чего-то от грусти уйти,
Страшно расстаться с тоскою,
Молишься Богу с надрывом души,
Жаждешь чего-то с мольбою.
Все думаешь: лучшее-ж будет...
В темноте рождаются грезы —
В душе моей желанья будят,
А с ними — отчаянья слезы.
Хочется солнца немного, привета,
Жизни остаток хотя бы схватить,
Заковать себя в сладкие милые цепи
И до гроба с любовью носить.
Время идет... Я один в этом свете
Чашу до дна остаюся испить:
Никогда не дожидаться мне ласки — ответа...
Как тяжело одинокому жить...

Сергей Макеев. (Франция).

Суеверия -- не бабьи толки.

Федор Кузьмич Непокупной проснулся с головной болью и с тяжелым осадком на сердце. Обычно жизнерадостный, веселый, энергичный в движениях, он как то сразу осунулся, постарел, под глазами появилась синяя опухоль, на лбу отчетливо выделились старческие морщины. Все его тело сковала больная вялость.

Утренний дождь надоедливо барабанил в окно и наводил еще большую тоску. Федор Кузьмич сердито глянул со своей мансарды на пустынные улицы почти всегда шумного города, подошел к засиженному за лето мухами туалетному зеркальцу и дрожащей рукой стал завязывать галстух.

— Что такое со мной? Уж не заболел ли? — тихо прошептал он, оглядывая себя в зеркале.

Было без четверти шесть. Федор Кузьмич тяжелой походкой спустился по лестнице, вышел на мокрую улицу и, несмотря на дождь, неторопливо пошел на службу в отель „Лондон“.

Уже пять месяцев прошло, как он перебрался на юг Франции под благодатное жгучее солнце и ни разу не чувствовал себя так отвратительно, как в сей день. Бывало на Лемносе, или в суровых снежных Балканах от сырости да от холода болели старые раны, ныли суставы, создавалось отвратительное настроение, но

это понятно: надоедала погода с ее резкими переменами, а с чего бы здесь? Дождь... так ведь и то не надолго. Час, два, а там, глядишь, опять засияет красное солнышко, улыбнется сверху на сырую землю, заиграет зайками в синей морской лазури.

„Должно переспал?“ подумал он. „Завалился с вчерашнего и спал, как убитый, всю ночь“.

Перед самым отелем грязную от слякоти улицу перебежала бродячая черная кошка, выскочила на тротуар, стряхнула с облезлой шерсти воду и ловким прыжком очутилась на белой каменной ограде.

— Мяу, мяу! — жалобно пропищала она, бросая умоляющие взоры вслед прохожим.

„Голодная, что-ли? Шла бы в отель на кухню, а то видишь, не во время дорогу то перебежала. Говорят, что примета нехорошая, да не верю я в бабы разговоры... Ерунда!“

Переодевшись в рабочий костюм, Федор Кузьмич стал растапливать плиту и готовить все необходимое к утреннему завтраку. Служил он в качестве судомоя, но на его обязанности было варить кофе, чай, какао, яйца в сметану, резать на миниатюрные порции сливочное масло и выдавать все это через маленькое окошечко по требованию лакеев.

Время за работой летело быстро, голова прояснялась, настроение поднималось. Он вошел уже в колею трудового дня и по своему обыкновению запел какую-то мелодию из старых казачьих песен.

Но, время от времени, образ бездомной кошки вставал перед глазами и целая цепь воспоминаний всплывала в памяти.

Сколько всяких суеверий существует в народе, трудно даже и пересчитать. Например: заяц или кошка перебегут дорогу, — не будет удачи, и лучше, если в этот день не братья ни за какую работу; встретить бабу с пустыми ведрами, или попа, — заворачивай обратно и сиди весь день дома; понедельник — тяжелый день; тринадцать — несчастное число, не зря же его и назвали чертовой дюжиной; просыпать соль — к ссоре... Да всего и не переберешь! Много предрассудков в народе, так неужто всему придавать значение! Непокупной пожал плечами, улыбнулся и невольно вспомнил своего старшего брата Трофима с неопишущим страхом относившегося ко всяким суевериям. Как то раз, еще до войны, поехал Трофим в Лабинскую на базар за покупками для хозяйства, но не прошло и часа, как вернулся назад.

— Ты чего? — удивленно спросил отец.

— Да заяц шлях пересигнул, я и вернулся.

— Дурень! дурень! время только потерял даром, а еще казак... А если бы тебя начальство с пакетом послало, так ты тоже бы вернулся назад? Тьфу, стыдился бы говорить то!! — выругался в сердцах отец и сам поехал на базар, а Трофим остался дома.

„А все ж чудно — подумал Федор Кузьмич, вспоминая историю с братом, — сколько времени и кошек то не видал, а тут на тебе, перебежала проклятая дорога, да еще в понедельник!“

Большие кухонные часы пробили восемь гулких ударов. На кухне стало оживленнее. Собирались повара и поварята, одевали на себя белые крахмальные колпаки и фартуки, оживленно разговаривали между собой, и с серьезным, понимающим видом, касались острых политических моментов: падение кабинета Эррио, повышение франка, понижение рыночных цен, неудача коммунистов...

— Теодор! — обратился к Непокупному один из поваров, тонко разбиравшийся не только во французских соусах и салатах, но понимавший толк и в политике, — а когда же у вас в Москве свергнут большевиков?

— Да ну ее к чертову батьку, Москву то! — огрызнулся Федор Кузьмич, коверкая французские слова и мешая русские с украинскими, — с ней нам не детей крестить, вот Кавказ дело другое! Кавказ нам треба, мусью, Кавказ!... А без Москвы мы проживем!...

— Теодор, тилейль*) в 13-й номер! — громко на всю кухню выкрикнул молодой мальчик-лакей.

— Сейчас! — глухо отозвался Федор Кузьмич, заваривая в серебрянном чайнике липовый цвет.

В открытые окна и двери холодной струей потянуло сырой воздух и у него опять затрещало в голове, по спине поползли мурашки, выступил холодный пот.

— Готово в 13-й! — крикнул он лакею, и голос его заметно дрогнул.

„Тринадцать... — нехорошая цифра, чертова дюжина... а, да ну ее к бисову батьку, ерунда все!“ и он махнул рукой.

Но, цифра тринадцать поползла, завертелась, закружилась возле него, превратилась в мгновение ока в черную с облезлой шерстью кошку, а та, вытаращив на него зеленые глазки, как закричит в самое ухо: „понедельник, понедельник!“

„Нет, должно быть и в самом деле заболел. Проруду на кухне. У плиты жарится, а в окно сквозит“.

Передав серебрянный прибор, Федор Кузьмич только что начал варить какао для второго номера, как в кухню влетел директор отеля, грубый, невоспитанный итальянец, выслужившийся из лакеев.

— Кто заваривал тилейль в 13-й номер? — заорал он, зверскими глазами обводя кухню.

— Я! — тихо отозвался Непокупной.

— Сакраменто! Какого черта ты заварил? Смотри! и директор выбросил все содержимое из чайника на пол.

Федор Кузьмич поглядел вниз мутными, ничего не соображающими глазами и застыл... но быстро вышел из оцепенения и бросил беглый взгляд на полку, на которой стояли всевозможные пакеты и банки. Вот тот пакет в белой обертке, из которого он брал липовый чай. Дрожащей рукой, приподнявшись на цыпочках, он достал пакет и, развернув, заглянул. Каково же было удивление, когда, вместо липы, он увидел сушеные овощи, точь в точь, как две капли воды похожие на те, что валялись на полу.

„Как это так вышло? Кто сюда положил?“

— Что вытаращил глаза, как дурак? Клиентов хочешь отравить мне, свинья русская?!

Директор весь красный, с трясущейся от злости нижней челюстью и с приподнятым кулаком, наседавая на совсем обалдевшего Федора Кузьмича, не стесняясь в оскорблениях.

„Идиот, свинья, верблюд“, с прилагательным „русский“, неслось в воздухе, но растерянный Федор Кузьмич непонимал даже смысла всех этих красноречивых выражений. Да он и не слушал, что вылетало из уст разъяренного директора, ибо голова его ныла, в ушах шумело, в глазах рябило, черные кошки с зелеными зрачками прыгали одна за другой, цепляясь за хвост. Одна, две, три... тринадцать, чертова дюжина, а в хвосте тринадцатой кошки показалось что то другое, круглое, красное, с синими полосками...

С глаз Федора Кузьмича спала темная завеса и только тогда он пришел в себя, когда отчетливо перед самым носом увидел здоровенный кулак директора.

Мозги заработали с такой силой, что за одну секунду родилась тысяча мыслей. Как быть и что делать, если получит удар? Допустить ли до этого? Быть может самому перейти в атаку? Или раздавить его, как гниду, если он прикоснется хоть пальцем?

„Стукнуть его по казачьи, чтобы родителей не вспомнил!“

Но, не успел Непокупной придти в себя и выбрать какое либо решение, как вдруг вблизи его послышался резкий сухой треск и директор, беспомощно растопырив руки, тяжело свалился на грязный кухонный пол.

Появился хозяин, смущенный и робкий.

— Что такое? В чем дело? — взволнованно спросил он старшего повара.

Вперед вышел один из молодых поваров, рослый корсиканец с пылким, южным темпераментом и с черными, как сливы, глазами. Слегка бледный, но вполне спокойный, он доложил о случившемся.

— Это я виноват, патрон! Я заступился за Теодора. У него нет родины, он сирота. Мы французы должны считать его своим гостем, а с гостями по хамски не обращаются. Если Теодор допустил ошибку, то нужно было без оскорблений расчитать, но не проявлять

*) La tisane de tilleul — липовый чай.

грубости и не замахвайся кулаком! И пусть директор не забывает, что он тоже иностранец...

Федор Кузьмич понял, что корсиканец, всегда относившийся к нему с подчеркнутым вниманием, оказался его защитником, а быть может и спасителем, так как неизвестно чем бы кончилась вся эта история без постороннего вмешательства. Он, не обращая внимания на патрона, подошел к корсиканцу, крепким рукопожатием выразил свою благодарность, снял рабочий костюм и твердой поступью прошел в бюро.

Через полчаса, с сертификатом в кармане, он забежал на кухню проститься с сослуживцами. Корсиканец, попрежнему невозмутимо, возился около плиты, приготавливая какой то ароматный соус.

— Теодор! — обратился он к Федору Кузьмичу, — я много читал о казаках, о их свободолюбии, рыцарстве, храбрости и честности. В минувшую войну ваши полки не раз спасали положение всех армий Европы и своей кровью, своими подвигами способствовали общей победе. Вы стремились получить свободу, но ошибочно и слепо доверили свою судьбу предателям и изменникам, приведшим вас в изгнание. Крепитесь, не падайте духом, берите пример с нас. Свобода впереди, а в изгнании вам будет наградой доброе отношение ваших друзей!

Не все понял Непокупной из быстрой речи корсиканца, но сердцем воспринял всю глубину и смысл сказанного, и, помимо желанья, на казачьих очах появились слезы.

Он молча сжал руку корсиканца, хотел что то сказать, но не мог, и ограничился только сильным пожатием.

Вечером того же дня Федор Кузьмич лежал у себя в мансарде в бреду. Температура поднималась време-

нами до сорока и выше. Заботливая хозяйка приносила один за другим флаконы и баночки с медикаментами и поила больного, то черным кофе с ромом, то горячим вином с какой то целебной травой. А больной, бросаясь по постели, протягивал руки кверху, силился поймать что то и нервно кричал:

— Вот она подлая! Вот она сидит на заборе! Ишь глазища то какие зеленые...

Когда прошел кризис и дела пошли на поправку, к постели Федора Кузьмича допускались посетители, конечно, свои же казаки. Больной, сидя на подушках, с увлечением рассказывал о злополучном дне, а казаки сидели вокруг койки и весело смеялись, слушая историю с кошкой.

— Нет господа, как вы не смейтесь, а суеверия совсем не бабы выдумки! Уж теперь если увижу кошку, так за три улицы обойду!

— При чем же тут кошка, Федор Кузьмич? — задавал вопрос кто нибудь из казаков, — ведь вы с самого утра почувствовали себя плохо, ну, благодаря болезни, все это и случилось.

— Нет, нет, не говори! Болезнь болезнью, а расстроила меня кошка... А там уж все и пошло как по писаному.

— Ну, пусть будет по вашему, а я все таки не верю.

Поверишь, милый человек, как случится вот такая заваруха. Я тоже все раньше храбрился, а теперь вот скажу, что бабы умнее нас... Они зря не зубоскалили. Молитвой себя ограждали от всяких бед и напастей.

Посетители уходили, а Федор Кузьмич, оставшись один, погружался в размышления о таинственном и непонятном в сем мире.

Я. Рудик.
(Прага).

* * *

Бачу, як листя зривають вітри,
Жовте журливо — ші-ші...
Так би заснути в тиші...
Туга і злидні... що ж, хочеш — умри.
Доля і нас позривала колись
З рідної хати...
Волю щоб мати,
Завше і щиро до Бога молись.
Листячко знову вквітчає весну,
Промінь злеліє квітки.
Може-ж побачу садки, —
Лише тоді я на віки засну!

Иван Бойко.
(Братислава).

„ЕССЕ НОМО!“

Вечно стремишься куда-то,
Вечно в тревоге живешь.
Носишься в море без кормчих,
Вечно за ветром плывешь!
Где твоя пристань — не знаешь!?
Долог-ли, короток путь!?
Зрячий, в потемках ты бродишь,
Сам навеваешь ты жуть!
Стоны, бессилия слезы...
Жизни болотная цвель!..
В этом ли наше призванье?
В чем, мне скажи твоя цель?!

Петр Крюков. (Франция).

Из записок „голутвенного“ казака.

„Мир Божий — не хата казачья“, говорят у нас на Дону, но сколько раз уже я думал, скитаясь по белу свету: да верно ли говорит пословица? Хата — не хата, но что весь Божий мир становится казачьим Войском, так это уже бесспорно. Где мне только не пришлось побывать за родным рубежом: и в Турции, и в Греции, и в Болгарии, и в Сербии, и во Франции (для голытьбы ведь ни границ, ни виз не существует!) — и везде, в самых захолустных уголках, я непременно встречал казака какого-нибудь Войска. Должно-быть „казак казака видит издалика“, потому что никакие одежды не в силах привить казаку интернациональный, безличный облик, не говоря уже о своеобразном казачьем говоре.

В сомнительных случаях огромную роль играет общеказачий пароль: „какой станицы?“

Многие, может быть, и правы (по своему), обвиняя Максима Горького, Джека Лондона и Кнута Гамсуна в „диффирамбах босяцкой жизни“, но я скажу, что полнее, красивее и разнообразнее кочевой жизни мне не приходилось наблюдать. Пробовал было я усмирять свою кочевническую кровь, — посижу годик-другой на одном месте, а там... весной глянешь в даль и засосет что-то в груди, защемит!.. Бросаешь все нажитое, покидаешь насиженное место, — за сумочку, да за костыль, да и след мой там простыл!..

И чего, и кого я только не видел! Другой бы и за сто лет сидячей жизни не узнал этого.

Эх! Жизнь собачья, — за то слава казачья!

Как-то в Сербии я зашел в маленькую корчму закутить с дороги (должно быть у всех славян одинаково-

традиционно совмещение кабака с харчевней в общее „заведение“ — корчму).

Расположившись за одним из столиков, я заказал себе скромный (у голытьбы какие уж капиталы!) завтрак и тотчас же обратил внимание на группу казаков-донцов, сидевших за соседним столиком. Донцы — как донцы, при всем аккурате, что называется: и чубы страшные и фуражки набекрень „до отказа“, и огненно-красные лампасы на шароварах — шириною в Черное море.

Меня заинтересовал разговор, который вели между собой эти „милостью Божией“ эмигранты в промежутках между стаканчиками дьявольски крепкой сливовицы.

Ведь никогда не бывает казак таким словоохотливым и резко-откровенным, как в ту минуту, когда он, чувствуя, что чаша долготерпения его переполняется и нужен выход, — забегает в корчму. А стаканчик ракии в таких случаях всегда является ключом к сердечному замку и иногда позволяет посторонним услышать такие тайны, о которых, будучи трезвым, казак и под топором палача не заикнулся бы!..

Но я, пускаясь в рассуждения, забыл о своих соседях, что сидели за другим столом, и об их разговоре.

Старшему из них было на вид лет пятьдесят с лишним, младшему — Степану — (из их разговора я уже успел узнать его имя), не более четверти столетия, а двум другим, как близнецам, я не дал бы больше сорока лет (разумеется, каждому из них, а не обоим вместе). Горячо говорил что-то Степан, то гремя на всю корчму своим баритоном, то понижая голос до шепота.

Я прислушался.

— За что? — (говорил Степан). За то, что мы — казаки — дураки! За то!.. Кабы стояли на своих границах не лезли бы в Россию, так ничего бы и не было, а то полезли завоевывать Россию... Куда уж нам с свиным рылом, да в калачный ряд!.. А ежели Россия пожелает — она сама от большевиков ослабонит-ся. Очень даже просто!.. А то: непрошенные защитники нашлись — казаки!.. Да вы поглядите: не только большевики, нас даже „свои белогвардейцы“ не любят. А за что? Да за то, что мы — казаки! Попробуй, заговори с кем-либо из русских за это. Сейчас же начнут попрекать за 1917 г., — вы, мол, казаки, царю изменили... А они то где же были? Что же, казаки, по ихнему, одни должны были спасти царя?.. „Вас царь пожаловал „привилегией“... Это-то что же за „привилегия“? С своим конем, оружием и прочей муницией что ли служить?.. „У вас земли дюже много“... Завидно им! Наши деды шашками отбили, своей кровью полили эту землю: а они — „дюже много земли“... В 905 г. казаки перепоролы плетью мужиков и спасли престол, — виноваты остались перед русским народом: ногаечники! царские опричники!.. В 917 г. перешли на сторону народа, — опять виноваты: вы царя продали!..

— Да мы его не покупали, чтобы продавать-то! — вставил один из „близнецов“.

— Степа! — покачал головой старик: ведь это глупые люди говорят так-то на нас, казаков.

Степан вскочил и стукнул кулаком по столу так, что вся посуда подпрыгнула и жалобно зазвенела, как бы жалясь на буйную казачью натуру.

— Какие же глупые, отец? Самая что ни на есть „антилигенция“. И офицеров много. За простых-то и говорить нечего: те, как волки, на казачью землю зиркают. А ученые-то: профессора там разные, что в газетах-то пишут? Небось слышал, сотник Кудряшов читал в какой-то газете?

— Слыхал, — упорствовал старик: а что же по твоему, из ученых людей — дураков нету?.. Сколько хош!.. У нас вот одно время был командир батареи, полковник, в Ослобонительную был в Болгарии. Так когда раз молодые офицеры в разговорах высказались, что мол, мордобитие в частях надо прекратить, то он, этот полковник, и говорит им: „вы, господа офицеры, бейте сукиных сынов-казачок! Бейте их: это народ зло-вредный... В Балканах, бывало зимой, замерзнешь сидеть на коне, слезешь, да говоришь казаку: слышь, станишник, поддержи коня, я погреесь чудок. А он: пшл ты к черту, — я сам хуторским атаманом был!..

Вся честная компания захохотала.

— Вот ты и гляди на него, — продолжал старик: за то, что какая-то там чигуня обидела его, так он и сам бьет казаков и другим г. г. офицерам приказывает. Ну, как по твоему, Степа? Не дурак он?

Степан усмехнулся.

— Ты, отец, нашел только, видно одного дурака, а я думаю, что среди русских ты вряд-ли найдешь такого умного человека, который бы посочувствовал нам казакам.

Старик тем временем наполнил стаканчики водкой и, поднимая свой, торопливо произнес:

— Ну, станишники! выпьем, пока не пьяные! У нас бывало старики говаривали: пей, да хохлов бей, — богат не будешь, за то хохлы будут знать.

Степан ехидно взглянул на старика и спросил:

— А ты их бил, отец?

— Кто? я?.. — удивился старик. — Ху-у! У нас, бывало-ча, — как залетим на „русскую“ улицу, она же и „Московской“ прозывалась, да как зачем этим мужикам „сею-вею“ давать, так аж пух-перья летят!

Степан фыркнул засмеялись и близнецы.

— Пра — слово! — подтвердил старик, думая вероятно, что ему не верят.

— Верю, — сказал Степан: да за что же бить то их?

— Как, за что? — неподдельно изумился старик: а за каким нечистым они к нам на Дон заявились? Что им в Расее места что ли мало?

— Да Дон-то разве не Россия? — ехидно спросил Степан.

Старик смутился и замаялся.

— Да-а!.. Конечное дело: Расея!.. Но все как то не того... концы в концов... То Расея, а то — Дон!..

Степан насмешливо смотрел на него, но постепенно лицо его приняло задумчивое выражение и он, покачивая головой, сказал:

— Вот так оно всегда: то Дон — Россия, то не Россия!.. Как это вы, старые, успеваете и Богу молиться и черта не обижать? А я так думаю: Дон кровью взялся, кровью и отдастся, не даром старики говорили, что в святых книгах так написано.

Старик исподлобья взглянул на Степана и многозначительно сказал:

— Там же написано бысть: соединятся Донцы с Горцами и пройдут всю Расею и останется народа, как после пожара травы!..

Степан вздохнул и в раздумьи сказал, как бы про себя:

— Да может это уже было когда?

— Не-е, сынок, еще не было, а скоро будет. Года указаны в святой книге, да не нам, грешным, их знать!..

Я кончил завтракать и, имея в виду дальность предстоящего пути до Б., решил уходить, но перед уходом обратился к старику с вопросом, где он вычитал такое предсказание.

— Не я, сынок, читал: еще дедушка мой, покойник, и он-то и говорил, что близки эти года, а какие точно и не сказал.

Я обратился тогда к Степану с просьбой: не будет ли у него хоть старых, ненужных газет или журналов для чтения, но, к моему безграничному удивлению, он смущенно ответил:

— Да я ведь неграмотный.

Его собеседники засмеялись, а старик приветливо пояснил мне:

— Ты небось подумал, что емназист, али кадет какой Степа, что говорит дюже гладко? Он вострый казачек, до всего доходит, а вот грамоте не умудрил Господь. Брался сколько разов учиться у меня, да за работой какое уж тут ученье!..

Я простился с казаками, не забывшими устроить обычную при подобных встречах перекличку: какой станицы? Станичников моих не оказалось среди них, но мы расстались как-будто родные братья.

Я взял свой киек и зашагал по избитой каменистой дороге, размышляя над недавно слышанным разговором.

— Самостийники... автономисты... но откуда у них все это? Один — совершенно неграмотный: другой, ви-

димо, кроме святых книг все остальное считает от лукавого... Крайность молодого, двойственность старого — откуда?.. Ведь не лекции же им читал кто-нибудь по истории Казачества?..

Я закурил и, взглянув за поднимающимся вверх синим дымком папиросы, внезапно вспомнил из истории христианской церкви слова философа-язычника Гамалила: „если это дело рук человеческих — оно исчезнет само, но если это дело рук Божьих — бойтесь навзечь на себя гнев Господень“.

Константин Поляков.

(Прага).

* * *

Многим песни наши про тебя не нравятся.
Но, не петь я их не в силах, не могу!
Ах, ты Степь моя, Степь красавица,
Я в любви своей к тебе не лгу...

Угнездилась крепко ты в душе казачьей...
Только смерть звенящею косою
Может песнь сорвать, ту песнь, что петь я начал
Про тебя с безумною тоской.

Знаю, скажут там, с улыбкой и усмешкой:
— Снова старое, — опять про степь и степь...
Я не шут, чтоб побрякушкой тешить
Сердца Вашего пустого крепь.

Что ж, курганы? — да, отцов могилы!
Атаманы? — ведь бывшее в них!
Так звучи ж, рази сильнее силы
Мой лихой из правды стих!

И невольно подумал:

— Нет не даром у нас на Дону говаривали: черного кобеля не отмоешь до бела.

Казачье самостийничество — голос крови. У старых этот голос приглушен казачьими „благодетелями“ — наказными атаманами, у молодых он чист и звонок. Отсюда: двойственность старых и крайность молодых... Но близки ли те года, о которых говорил старик?.. Кто знает?!

Может не за горами?..

ПЕСНЯ СВОБОДЫ.

Сарынь на взлет!
Размахом крыл могучих
Над Родиной развеет тучи,
Свободы солнце луч метнет...

Сарынь на взлет!
Сарынь на взлет!

Нечай! Наш клич рожден веками,
Он рос бичующим раскатом...
Степь засинела казаками
От гор Уральских и к Карпатам...

Сарынь на взлет!
Нам страшен только Бог,
Лишь только он отнять бы Волю мог.
За Правду, Край свой и родной народ —
Сарынь на взлет!
Сарынь на взлет!

Тоже -- ответ!

Все мы еще хорошо помним, как в 1921—1922 г.г. среди русской, главным образом, эмиграции прокатилась волна „сменовеховства“. Докатилась она тогда и до казачьей эмиграции. Встал вопрос о „возвращении в Россию, по домам, — к мирному труду“. Нашлась целая плеяда общественных и политических деятелей среди казачьей эмиграции (может быть правильнее было бы говорить в их адрес — беженцы), которые стали в то время на путь активной работы по примирению казачества с московской соввластью и возвращению казаков-„беженцев“ к „мирному труду“. Иногда делалось это и из желания увести казаков из под влияния ген. Врангеля. Но, уходя от одной крайности, делали крайность другую. Из под Врангеля казаков увести было нужно, но не нужно было вести их под Ленина и Сталина.

Работа эта не дала тогда всех результатов, на которые рассчитывали деятели „возвращения“. Казачество в большинстве не приняло новой „идеологии“. Оно само разрешило вопрос далеко правильнее. Из под чужих „вождей“ оно ушло, но и под красный Кремль тоже не пошло. Постепенно начало переориентироваться на свои силы, начало искать свои цели и собираться под свои знамена. Это — в эмиграции.

Не приняло, да и не могло принять идеологии примирения с Московской властью Казачество и там, дома. Там этому помогала и весьма существенно сама советская действительность. Деятельность заграничных казачьих сменовеховцев, а особенно причастность к тому некоторым из кубанцев произвела на Кубани, например удручающее впечатление на всех.

Только весьма наивные люди (тем более „политические“ деятели) могли рассчитывать на то, что действительно сов. власть с искренними намерениями звала казачью эмиграцию к возвращению („... казаки-земледельцы! Советская власть зовет вас к мирному труду“... — „Накануне“, 1922, № 57). Ей нужно было ослабление казачьей эмиграции и вообще ослабление Казачества лишними внутренними спорами и раздорами (а „сменовеховство“ породило их достаточное) и она с гораздо большим искусством и умением использовала для этого сменовеховцев, чем они ее...

Весьма возможно, что внутренние мотивы у каждого из казачьих сменовеховцев были различны. Неодинакова была поэтому и активность, как различно и поведение их в то время. Одни ограничились „сменой вех“ без возвращения, другие — и вехи сменили (искренно или неискренно — другой вопрос) и возвратились (на-

ибо более последовательные), а возвратившиеся казаки в подавляющем большинстве возвратились, но, смеем думать вех не сменили.

В зависимости от этого и судьба казачьих сменовеховцев оказалась весьма разной.

Восбще нужно сказать, что мало кто из возвратившихся туда, возвратился действительно домой. Чувствуют они себя во всяком случае не совсем так, как дома. Еще менее нашли они там „мирный труд“. Еще больше оказались несбыточными мечты тех, кто возлагал какие бы то ни было надежды на изменение политики московской власти по отношению к Казачьим Землям, кому „хотелось бы также верить“ в то, что центральная советская власть поймет свою ошибку в отношениях к Кубани и предоставит ей максимальную независимость, наравне с другими советскими республиками“... („Накануне“ № 57). Центральная власть своих „опибок“ „не поняла“, никакой „независимости“ Кубани, даже равной „другим советским республикам“ не предоставила. Наоборот, поскольку хватило у нее сил, и Кубань, и другие Казачьи Земли разгромила так, как только могла: разгромила до нищенства экономически, терроризировала население политически... придала всякую живую мысль...

Лидеров же сменовеховства, которые возвратились и оказались, таким образом, в сфере ее досягаемости, использовав, ликвидировала тем или иным способом. Двух (Гнилорыбова и Дудакова) расстреляла; двух (Крикуна и Сокола) заставила служить в Г. П. У. (чека), одного (Белашева) сослала куда то в Сибирь, одного (Воропинова) почти все время гоняли по тюрьмам, пока, наконец, не удалось ему бежать за границу летом этого года. И только двое „благоденствуют“ и, кажется, делают „карьеру“ (Тимошенко и Булацель).

Бегство оттуда Воропинова лишний раз напомнило и подтвердило банкротство политики „возвращения 1922 и 1923 годов. Ф. К. Воропинов, один из подписавших „письмо к кубанцам-беженцам“ (см. „Накануне“, № 57) принадлежит к числу последовательных в своих словах и делах политических деятелей. Он имел мужество сделать из своего поведения надлежащие выводы и сам возвратился туда, куда звал других. Тот, кто знает его характер и его, как политического деятеля, тот вряд ли мог поверить в его действительную „смену вех“. Знали это, конечно, и большевики и по своему устроили ему там „жизнь и мирный труд“: его держали почти все время в тюрьмах, переводя, очевидно для разнообразия, из одной в другую. Наконец, человек не выдержал и вырвался. Бежал сначала в Румынию, потом перебрался в Чехословакию.

Факт этот стоит быть отмеченным. Но не для того, чтобы лишний раз подчеркивать неудачи отошедшего уже в прошлое казачьего сменовеховства, не для того, чтобы напоминать кое-кому (а особенно тем, кто других посылал, а сам предусмотрительно хорошо устроился за-

границей) нечто неприятное из его недавней деятельности. Нас гораздо более интересует то, что принес оттуда, с того света, снова эмигрант Воропинов. Эту часть именно стоит отметить, т. к. она может служить очень веским аргументом в пользу правильности идей и программы В. К. и является весьма хорошим ответом всем нашим противникам, как среди казаков, так и среди русских.

Возвращение „живого человека“ оттуда не прошло незамеченным, особенно в казачьих кругах Праги. Состоялся уже и публичный доклад Воропинова на тему о положении в Совдепии. Русская пресса отметила, что „докладчик не сказал ничего нового“. Это, пожалуй, правильно и с нашей точки зрения. Нового, действительно, Воропинов мало что сказал и для нас. Теперь уже границы Совдепии не суть так непроницаемы. Но то, что Воропинов лишний раз подтвердил и на докладе и помимо доклада, (по скольку это можно было сделать в большой и разношерстной аудитории) относительно того, что есть и что делается там, в Казачьих Землях, это для нас является очень ценным. Этим ценным, как действительными аргументами оттуда, мы и хотим сейчас воспользоваться и обратить внимание на это Казачество, считая это ответом жизни всем противникам В. К., начиная генералом А. П. Богавским и кончая Милюковыми, Керенскими и иже с ними.

Противники казачьей самостоятельности здесь за границей утверждают, что население Казачьих Земель считает и чувствует себя только русскими людьми и на „раздробление России“ не пойдет. Можем еще раз подчеркнуть здесь, что там сепаратизма уже не боятся. Не боятся и „иностранцев“. Наоборот, приветствовали бы всякую помощь в деле избавления от московского ига. Самостийническая Рада — живая и незабываемая легенда.

Росту самостоятельности и вообще национального самосознания Казачества весьма способствует сама центральная Соввласть с ее нескрываемым намерением колонизовать Казачьи Земли за всякую цену, т. е. Казачество обессилить, расселить, а то и уничтожить, а на его место поселить переселенцев из „внутренних губерний“.

Это обстоятельство, между прочим, весьма способствовало созданию „единого фронта“ между казаками и старыми крестьянами и иногородними. Помирившись, они вместе начали пока пассивное сопротивление, против новых колонизаторов и не безуспешно. Мир этот иногда идет так далеко, что нередко теперь можно встретиться с „раскаянием“ городошников в том, что в свое время они не были вместе с казаками. Больше того, теперь часто („новая мода“, как выразился докладчик) намеренно казаки женятся на „горошовичках“, а „горошовики“ на казачках.

Этот общий фронт казаков и иногородних позволяет им, т. е. старому населению Казачь-

их Земель, удержать за собою фактически почти все земли.

Не забыли там и своей эмиграции. И до сих пор еще ставят вопрос: где наши, что они делают и что думают? Думают ли, и делают ли что нибудь для нашего освобождения? Разрыва между казаками там и казачьей эмиграцией здесь нет. Там на эмиграцию возлагается, может быть, больше надежд, чем она сама здесь о том предполагает.

Вот то, самое существенное, что нам удалось услышать или узнать от того, кто семь

лет варился в большевицком соку на Кубани, на Дону, вообще на Северном Кавказе или в Закавказьи. С величайшим удовлетворением можем еще раз отметить, что программа Вольного Казачества отвечает не только желаниям и настроениям Казачества в эмиграции, но она не расходится и с тем, что думают (говорить там нельзя!) казаки и там, дома.

Это есть лучший залог жизненности идей В. К.

Это же есть и лучший ответ всем нападающим на нас.

Ис. Быкадоров.

„Голутвенные казаки“.

(Исторический очерк).

В русской литературе — исторической и художественной, казаки во время независимого государственного бытия Донского Войска (XVI—XVII ст.) делятся нередко на домовитых и голутвенных; от русских эта тенденция заимствуется и некоторыми казачьими писателями или журналистами.

„Голутвенные“ казаки рисуются, как носители свободы и вольности; к ним относят наплыв, эмиграцию, собиравшуюся на Дону из пределов московского государства. Делается и другое разделение: домовитые казаки — это зажиточные, семейные казаки, старшина; голытьба это бедняки, вольница и т. д.

Особо обостренное разделение Донского казачества на домовитых и голутвенных казаков выставляется в Разиновщине. Войск. Атаман Корнилий Яковлев был будто бы атаманом домовитых казаков, а Степан Разин — голытьбы.

В это разделение на домовитых и голытьбу вносится иногда курьезное понимание. Так, напр., б. атаман Краснов ген. А. Богаевского и пр. круга Харламова называл в печати голутвенными казаками, а себя домовитым.

Между тем такого разделения в Донском Войске никогда не было, такое разделение не подтверждается ни одним из исторических документов. Встречающееся же в исторической песне о Степане Разине выражение: „голь кабацкая“, имеющее особый смысл, не дает оснований для разделения казаков по социально-экономическому, или другому признаку на домовитых и голытьбу.

После Смутного времени; по установлении регулярных сношений Московского государства с Донской республикой (Войском); после подтверждения первым свободой торговли донских казаков в Московском государстве (т. е. как бы установления положения преимущественного государства), донцы широко стали пользоваться этим правом. Но и московский люд широко стекался на Дон для торговли; шли ремесленники (шапошники, кузнецы, скорняжники, портные и т. д.) и рабочие для найма, или, за часть добычи, гребцами в морских походах казаков. Это видно из дел Московского посольского приказа — дел донских, турецких, и особенно из розыскного дела Белгородского стола (1630 г.)

Этот люд для Дона был переменный, проводивший лето, иногда и по 2—3 года в Войске. Он пользовался на Дону свободой, но не равноправием, будучи в положении иноземцев. И, конечно, в решениях Круга Войскового, Главного Войска и городков не только не участвовал, но туда и не допускался. В ряды казачества, если и вступали, то лишь отдельные лица. Этот люд ни голутвенными казаками и вообще казаками не был и никогда не назывался. Не ими пополнялось Донское Войско.

Борьба за Азов (1637-43 г. г.) поглотила половину сил Донского Войска. Сильное ослабление его заставило Донское Войско просить поддержки у союзника, Московского государства, живой силой. Сформированный

„из вольных и охочих“ людей отряд в 3 тыс. человек после прихода на Дон через год разбежался. Из него осталось всего около 800 человек, как устанавливают списки, если не исключительно, то преимущественно из черкасов (т. е. украинцев). Разбежавшиеся, конечно, не могли остаться на Дону, т. к. их ждали репрессии со стороны Донского Войска, скрылись они в пределы Московского государства. Причиной бегства были тяготы казачьей боевой службы, оказавшиеся совершенно иными, чем их рисовали „охочие и вольные“ московские люди.

Разделение у донских казаков было и до борьбы за Азов, а после нее стало еще более резким, глубоким. Но деление это шло не по социально-экономическим признакам (в этом не было различия), а по признакам идеологическому и политическому. На Дону вообще, в Главном Войске в особенности, существовали 2 партии (2 идеологии): одна была сторонником тесного союза с Москвой, другая таким же противником ее. И сторонники Москвы исходили не из идеализирования государственного и социального строя Московского государства, а из положения экономической зависимости от него — опасений лишиться поддержки ее в виде „жалоувань“, а еще более возможности покупать отсюда „хлебные запасы“.

Убийство московского посла Карамышева, экономическая блокада Дона со стороны Московского государства (1630-32), убийство турецкого посла Ф. Кантанузена (1637 г.) — результат внутренней борьбы в Донском Войске, победа сторонников или противников Москвы. Под этим признаком „за и против“ проходила и борьба Донского Войска за Азов, отказ казаков городков — Черкасского, Бессергеновского и Маныцков оборонять Азов, т. к. в тогдашних условиях эта оборона являлась предательством Дона со стороны союзника его — Московского государства.

Истоки Разиновщины, искание выхода, начало свое имеют в борьбе за Азов и в той роли, которую играло Московское государство в ней. Это было начало глубокого расслоения казачества по политически-идеологическим признакам, а не по социально-экономическим „на домовитых и голутвенных“, которого в действительности не было и не могло быть.

Земледелия и скотоводства с коневодством в Донском Войске до конца XVII в. не существовало. Скот и лошадей казаки предпочитали отбивать у противников, главным образом, у ногайцев, чем разводить его. Занятие звериным и рыбным промыслами имело общинный характер. Расслоения по зажиточности не было и не могло быть. Правда, еще в первой половине XVII ст. начинается на Дону в Главном Войске образовываться „старшина“, но составляет она исключительно по личным качествам, из лиц длительного времени и неоднократно занимавших выборные должности: войскового Атамана, атаманов главного войска, городков, станиц, походных, зимовой станицы.

Во второй половине XVII в. на Дону начинает появляться эмиграция (беглецы) из Московского государства: экономические процессы и религиозные гонения в последнем заставляли эмигрировать туда, откуда выдачи не было. Но совершенно неверно представление о массах беглецов, это были не тысячи и не сотни, а единицы и десятки. Эмиграция от религиозных гонений стала собираться на Дону уже после Разиновщины.

Поход Разина на Волгу, Каспий и в Персию был совершен при участии, главным образом, донских казаков, приставших к ним городских казаков, стрельцов; всего войска было не более 3½ т.

Поход же его после возвращения из Персии от Астрахани вверх по Волге до Симбирска был совершен при помощи тех же казаков, ратных людей Астрахани и Царицына и всякого люда, бывшего в них и на различных промыслах по Волге (в г. Черном Яре, Камышине и др.)

С московской точки зрения, это было областническое движение (как позже при Петре I было в Астрахани).

Материал, которым воспользовался Степан Тимофей Разин для движения на север им был найден вне Дона — на Волге, донские казаки явились только первым кадром.

Никакого голутвенного казачества на Дону не было.

В условиях вооруженной борьбы, легкой добычи — естественно было широкое бражничество — и появление термина „голь кабацкая“.

Разделение Дона на две части — главами которых были: одной Войсковой Атаман Корнилий Яковлев, другой — Степан Разин, происходило не по какому то социально-экономическому признаку, а по другому давно существовавшему: политическо-идеологическому.

Войск. Атаман сознавал неизбежность союза с Москвой, экономическую зависимость от нее и благо для Войска видел в добрых отношениях с правящим сословием (боярским) Московского государства. Степан Разин — сознавал тоже неизбежность союза с Москвой и экономическую зависимость от нее, но благо для Дона, предохранение его от московских посягательств считал осуществимым в изменении государственно-социального строя в самом Московском государстве, переустройство его аналогично казачьему строю жизни. Движение на Москву, осуществление блага самого московского народа для Разина и казаков, сподвижников его, было не самоцелью, а всего лишь средством для осуществления блага Казачества.

Среди сподвижников и главных деятелей Разина был не пролетариат того времени, не „голытьба“, а действительные природные казаки.

Главный сподвижник его — Василий Ус, был природным матерым казаком, он был походным атаманом войска, посланного в 1666 г. Донским Войском на помощь Московскому государству, был послан к нему же в Зимовой станице. Алексей Каторжный, был сыном главного деятеля эпохи 1632—1650 г. г., атамана Ивана Каторжного, бывавшего и Войсковым атаманом, и Походным, и Атаманом Зимовой Станицы. Фрол Минаев, Самарин, бывшие позже войсковыми атаманами были также сподвижниками Ст. Разина.

Эмигрантов (беглецов) из Московского государства, собиравшихся на Дону и принимавших (вместе с донскими казаками) участие в борьбе против социального строя Московского государства (по мотивам от казаков совершенно различным), „голутвенными казаками“, голытьбой, голотой называть имеется не более оснований, как и называть этим именем русскую эмиграцию в Казачьих землях 1917-20 г. г. и принимавшую то или иное участие в вооруженной борьбе Казачества с большевицкой Великороссией. При такой терминологии и Милокова и Варшавского и прочих многих россиян можно было бы назвать голутвенными казаками, голытьбой. Возможно, что некоторых из них можно было бы назвать и „голью кабацкой“. В XVII ст. стимулом для „голи кабацкой“ был грабеж, легкая военная добыча и легкая жизнь на нее; в 1917-20 г. г. — широкая спекуляция, грабеж в тылу, что как раз широко делалось некоторыми представителями русской эмиграции — для устройства кутежей, приобретения покупок благ. По содержанию голь кабацкая XVII в. и XX в. одинакова. Но ни тогда, ни теперь она ни голутвенными и вообще никакими казаками не являлась.

Возможно, что в будущем, исторически, эти или подобные термины установятся, мы же их отвергаем.

Таким образом до эпохи Разина включительно никакого разделения Донского Войска (а так же и других) на домовитых и голутвенных казаков не было. Голутвенные казаки, голытьба существовали и существуют в воображении лишь некоторых русских историков и писателей и рисуются ими как носители „свободы и вольности“. Эмигранты (беглецы) из Московского государства, появившиеся на Дону не были носителями ни свободы, ни вольности. Они приносили оттуда скорее анархию....

(Окончание следует).

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

VII.

Ко времени приезда в Екатеринодар Евдокимова общественное настроение было уже достаточно взвинчено. Ходили невероятные слухи, говорили, напр., о том, что с горцами велись переговоры о совместном действии против России, что горцы обещали идти вместе с казаками на Россию, говоря: „только начните, мы все с вами и до Москвы все вырежем“. Все это подчеркивает только ту степень нервозности, с какою казаки встретили все мероприятия Кавказского начальства по заселению Закубанья.

Тщетно, конечно, мы пытались бы розыскивать официальные документы по всем мероприятиям, которые принимались в этом отношении среди казачества и по отношению к казачеству, так как, по весьма понятным причинам, все дело велось посредством частной переписки или даже устно через особо доверенных лиц. Да для настоящего очерка они и не имеют особенно важного значения, так как для меня в данном случае важна не так историческая документальная правда, как верное изображение того периода общественной жизни, которая была в ту минуту, та нервозность, которая

проявилась в массе в то время, когда дело касалось интереса ее жизни или ее существования.

В день приезда Евдокимова все чиновные люди, находившиеся в Екатеринодаре, с утра начали собираться во дворе квартиры наказного Атамана, помещавшейся в доме Рашиля по Красной улице. За выездом Кушакова квартира была свободна (так как Кухаренко жил в своем доме), но была так тесна, что не могла вместить в себе всех собравшихся.

Как исполняющий обязанности наказного Атамана и как начальник кордонной линии, Кухаренко должен был встретить Евдокимова с рапортом в Усть-Лабинском укреплении, на границе Черноморского Войска, откуда начиналась кордонная линия.

Кухаренко демонстративно не выехал для встречи командующего армией и ограничился тем, что выслал двух офицеров — сотника Степана и хорунжего Александра Кухаренко (своих сыновей), для встречи Евдокимова в стан. Пашковскую, с приказанием проводить его прямо на атаманскую квартиру, где и он будет.

На дворе был выстроен почетный караул, левее которого стали все собравшиеся. В'ехав во двор, Евдокимов принял рапорт от Кухаренко, затем поздоровал-

ся с почетным караулом, обошел его по фронту и общим поклоном молча приветствовал собравшихся. Приняв ординарцев, он приказал караул увести, а всех собравшихся задержать пока (после дороги) он придет себя в порядок.

Прошло около часа времени, когда граф со своими адъютантами в сопровождении Кухаренко показался в выходных дверях квартиры. Взмахом руки он пригласил всех собравшихся к себе и обратился к ним с речью, в которой сказал, что до него дошли слухи о недовольстве среди казаков, вызванном распоряжением начальства о переселении за Кубань, при чем поправился: хотя такого распоряжения в подробностях еще не сделано, но что оно последует сейчас же по приезде его в Ставрополь. Затем он начал излагать какими соображениями вызвана эта мера, ее необходимость для окончательного завоевания Кавказа, как он выразился, который можно считать прочно завоеванным только тогда, когда он будет заселен. „Когда там будут жить не только казаки, но и их семьи, жены, дети“, прибавил он.

— Хіба Вы, ваше сиятельство, думаете завойовувати Кавказ нашими жінками?“ послышался голос Камянского.

Услышав это, граф побагровел и, повысив голос, крикнул:

— Я бы просил вас помолчать пока я говорю!

Этот окрик произвел неприятное впечатление среди собравшихся и глухой ропот прокатился среди них.

Выждав минуту, граф затынул иную песню, начав с указания на то, что он рассчитывал на чиновный люд, думая найти в нем поддержку правительственных распоряжений, а не противодействие, тем более, что правительство заботится о них и старается поддержать их благосостояние. Указал далее на то, что и в настоящее время в Ставрополе работает комиссия о даровом наделе землей чиновного люда среди казаков.

— З якої землі, воскликнул опять Камянский, — який даровий наділ? Земля й без того наша, вона нам ще царицею Катериною дарована. Вона військова і військовою повинна остатьця.

К удивлению, эта реплика Камянского не произвела на Евдокимова такого впечатления, как первая. Он отнесся к ней гораздо хладнокровнее. Он заметил, что не все собранные разделяют мнение Камянского, многие по виду не сочувствуют ему, что видно было по опущенным головам одних, по двусмысленным улыбкам других. Дело в том, что в этом собрании участвовало большинство служилого, бесхозяйственного люда, среди которых было много не родовых казаков, а только по службе считавшихся таковыми, для которых получение земельных участков было действительно выгодно. Поэтому он с улыбкой возразил Камянскому:

— Вы высказываетесь против земельного надела, потому что вам это не выгодно. нельзя будет самовольно захватывать землю для своих хозяйств, как это вы делаете теперь, стесняя рядовое казачество.

Камянского поддержала группа артиллеристов, которая, во главе с подполковником Назаровым, держалась вместе.

Из этой группы Евдокимову возразил сотник Шарпа, который высказался приблизительно в следующем смысле:

— Никаких утеснений рядового казачества мы не делаем. Наши хозяйства заключаются не в запашке, мы запашиваем очень мало, лишь бы хватило для домашнего обихода. Наше богатство в скотоводстве, для которого мы пользуемся свободными войсковыми землями так же, как и рядовые казаки. Между последними можно указать не мало таких, которые имеют хозяйство много больше, чем у нас. Укажу напр. на Тарана-Давиденко, имеющего, кажется, более 2000 овец; Заводовского на Копанях, имеющего табун, гурт рогатого скота, порядочный гурт овец и вообще все казачихуторяне имеют хозяйство больше многих офицеров и чиновников, занимающихся хозяйством. По станицам у каждого казака имеется скот и овцы. Поделите землю, выделите свободную в Войско и все это исчезнет и еще кто знает, будет ли лучше эта ваша земельная реформа. Нам кажется лучше, если бы правительство не вмешивалось в наши земельные, войсковые и хозяй-

ственные дела. Мы сами в них разберемся. Войсковой Рады вы нам не дадите, так дайте нам Войсковое Правление с членами, wybranymi от населения, не стесняясь рангом выбираемого. Таким образом в этом правлении будет больше рядового казачества, чем чиновного, и все обойдется к общему благополучию.

— Только молодостью лет можно извинить то, что вы только что сказали, возразил Евдокимов, — ваши мечты идут в разрез с политикою правительства. Оно всеми средствами старается поднять вас из обыкновенной среды, выделить вас, как лучших людей в Войске, а вы отрещиваетесь. Оно не сегодня-завтра собирает даровать вам все права Российского дворянства до учреждения дворянского депутатского собрания в Войске, а вы тормозите это дело, снижаясь до рядового казачества.

— Не треба нам ніякого дворянства і ніякого депутатського собрания, воскликнул Камянский.

— Так зачем же вы записуетесь в дворяне Ставропольской губернии?

— А затем, что без этого наших детей учить нельзя, возразил Назаров. У нас одна гимназия, не всякому можно пользоваться ею, так как о настоящем времени она в мещанском городе, где у казаков ни родных; ни знакомых нет, а в интернат не принимают детей рядовых казаков, а только офицерских детей да дворян. Офицерские же дети, не кончившие полного курса гимназии, для производства в офицеры должны „доказать дворянство“, т. е. документально подтвердить, что они по происхождению дворяне. Вот поэтому отцы, кто по закону имеет право, и записываются в дворянское сословие, а нам, казакам, оно ни к чему.

В таком духе велась беседа между Евдокимовым и собранными войсковыми чинами. Взятая мною она из письма участвовавшего в ней Шарпа к В. С. Мове. Остановился, опуская подробности, я намеренно только на трех главных вопросах, поднятых на этом собрании, чтобы показать отношение к ним тогдашнего казачьего чиновного люда и направление наиболее видных деятелей тогдашнего собрания. Приведенные мною выступления не есть подлинные речи, но выдержки, передающие смысл этих выступлений, исключая реплик Камянского, которые по своей яркости и краткости выражений невольно запомнил почти дословно.

Очевидное намерение Евдокимова было перетянуть на свою сторону чиновное казачество, так как по его сведениям, оно являлось главной оппозицией правительства и оно же было главным руководителем всего движения. Как видно, все его старания не привели к желаемому для него результату и даже новый соблазнительный, по его мнению, вопрос об учреждении в Войске дворянского депутатского собрания не возымел надлежащего действия. Насколько этот вопрос был вообще непопулярным среди не только Черноморцев, но впоследствии и Кубанского Казачества, показывает судьба его впоследствии. Несколько раз поднимался вопрос об учреждении особого депутатского дворянского собрания, с целью иметь для этого Войска свое собственное дворянство, и всякий раз с одинаковым успехом — в отрицательном смысле. Вопрос этот главным образом касался привилегированной части Казачества, т. е. чиновного люда, так сказать старшины, держась старой терминологии. Она только и запрашивалась в различных предложениях на этот счет. Но она то именно и отвергала такую, по мнению правительства, соблазнительную подачку. Характерно то, что, несмотря на видимое облегчение при приобретении дворянства в том случае, если оно будет введено в Кубанском Войске, ответ был один и тот же — отрицательный... Казачество как бы принципиально высказывалось против этой благодати. Оно не хотело внутри себя делиться на сословия и в своей среде упорно стояло за равенство прав для всех казаков. То обстоятельство, что вопрос этот подымался и повторялся не раз через известные промежутки времени, указывает на то, что и между кубанским чиновным людом были сторонники его, не терявшие надежды на осуществление своих мечтаний, но, очевидно голос их был настолько слаб, что не мог осилить противной стороны. В 1888 году дворянская партия, во главе которой стоял генерал П. Г. Королень-

ко, вздумала воспользоваться общим подъемом духа, вследствие приезда Александра III в Екатеринодар, и пыталась собрать подписку для учреждения кубанского дворянства, которая также потерпела неудачу. Наконец, в 1915 году все старания Ставропольского предводителя дворянства Бориса Павловича Бурсака заставить, под угрозой принудительного сбора налога на дворянское депутатское собрание, записываться в дворянское сословие, также не имели никаких последствий. Казачество оставалось верным себе.

Из всего этого достаточно ясно обрисовывается отношение казаков-кубанцев к той соблазнительной приманке, которую Евдокимов думал перетянуть на свою сторону чиновное казачество, оторвав его от всей массы и лишит последнего руководства более интеллигентной его частью. Как видно, не только во время Евдокимова, но и много лет спустя эта приманка не имела никакого значения в глазах казаков.

Увидев свою полную неудачу, Евдокимов ушел, не говоря ни слова, а собравшиеся на дворе остались в полном недоумении, так как из этих переговоров ничего не вышло. Уже намерены были расхотиться, когда в дверях опять появился Евдокимов и громко, с сердцем, крикнул: „Я приехал, чтобы посоветоваться с вами и прийти к соглашению относительно переселения вашего за Кубань, но не встретил с вашей стороны готовности поддержать правительственный проект. Пеняйте на себя. Переселение во всяком случае совершится, а за все, что при этом произойдет, вы будете в ответе“.

После этой угрозы Евдокимов повернулся, чтобы уйти, но Камянский вслед ему крикнул:

„Що буде, мы не знаем, а на ваших условиях мы за Кубань не підем“.

Тем дело и кончилось и собравшиеся разошлись по домам, а на другой день выехал в Ставрополь и Евдокимов.

VIII.

По отъезде Евдокимова в Ставрополь, различные тревожные слухи относительно переселения за Кубань не только не прекратились, но еще больше усилились. По станциям, например, ходили рассказы, что получено распоряжение о немедленном переселении, при том целыми станицами, и в первую очередь назначена к переселению целиком станица Старощербиновская. Было ли такое распоряжение или нет, утверждать не смею, но о нем ходили настойчивые слухи и волновали и без того взвинченное Казачество. Возможно, что некоторые из этих слухов, заведомо ложных, распространились по станциям с целью поддержать непримиримое настроение среди казачества; возможно, что возникали сами собой, вследствие болезненного возбуждения воображения. Как бы то ни было, но приезд Евдокимова не успокоил разбушевавшиеся страсти, а угроза его еще более возбудила непримиримость.

Дней через 10-12 после отъезда Евдокимова, в Екатеринодар съехались выбранные от округов уполномоченные. Их набралось так много, что в городе не нашлось помещения для их заседания и решено было собраться в Войсковом саду (ныне городском). Для придания официальности собранию туда же принесен был и портрет государя. Когда все собравшиеся разместились на устроенных местах, за поставленным посреди столом, у портрета занял место Камянский и, изложив в сжатой форме обстоятельства, вызвавшие сбор депутатов, предложил на обсуждение вопрос: как реагировать на предприятия начальства, при чем не преминул упомянуть и о ходивших слухах о закулисных намерениях начальства, желающего якобы воспользоваться землей Черноморского Войска для награждения его чинов Кавказской армии, на что оно не имеет никакого права, так как земля эта подарена Войску грамотой Екатерины II. В подтверждение этого прочел и самую грамоту.

Этот момент — чтение грамоты Камянским — был снят фотографом Рьльским и группа эта сохранилась на руках у многих до последнего времени.

После прочтения грамоты, приступили к обсуждению вопроса о том, что делать в создавшемся положении. После многих разговоров и споров, иногда доволь-

но страстных, пришли, наконец, к решению, что нужно подать прошение царю, с объяснением положения дела. При обсуждении текста самого прошения возник вопрос: помещать ли в нем сведения о закулисных намерениях Кавказского начальства? Много говорилось по этому поводу и за и против, но в конце концов решено было упомянуть о них не как о фактах, а как о слухах, волнующих казачество, чтобы этим все таки обратить на них внимание царя. Составить прошение поручено было Камянскому, который по своему усмотрению выбрал себе помощников и советников.

Проект прошения решено было прочесть перед общим собранием на другой день. Затем занялись выбором офицера, который должен был командироваться в Петербург для подачи этого прошения. Таковым оказался избранным сотник Магеровский.

На другой день прошение было прочитано собранию при той же остановке, при которой оно заседало в первый раз. В прошении этом, выяснив права на владение землей, Черноморцы, признавая необходимым заселение Закубанья, просили организовать это переселение на началах, заявленных в первый раз Кухаренко Кавказскому начальству, оставляя за ними право владения и ныне занимаемой территории, но отнюдь не поголовным переселением станиц, а выделяя желающих переселяться добровольно. Далее указывалось на распространение слухов, волнующих казачество. При этом, в виде примера, были приведены слухи о передаче черноморской земли чинам за службу на Кавказе. Мне не удалось розыскать этого прошения, но содержание его знаю со слов многих лиц, в том числе и со слов Камянского.

Чтение прошения не внесло особенных дебатов ни по содержанию, ни по редакции.

Так как со времени приезда Евдокимова Екатеринодар был наполнен разного рода шпиками, доносившими в Ставрополь о всем происходящем, то с отпавкой прошения следовало торопиться, из опасения перехвата его в пути или в Петербурге. В виду этого, в этот же день было решено собраться во второй раз для подписания прошения.

Во время подписи прошения раздался вдруг пистолетный выстрел. Собравшиеся были этим встревожены и произошла небольшая суматоха. Кто, в кого, куда стрелял? Оказалось, выстрелил есаул Николай Григорьевич Рашпиль. Одни утверждали, что выстрел был направлен в портрет царя, другие говорили, что это неверно, что Рашпиль стрелял просто вверх, а некоторые прибавляли, что пистолет был заряжен холостым зарядом. Так этот вопрос тогда и не был выяснен. Потом в девяностых годах, я спрашивал об этом инциденте у Григория Афанасьевича Калери, который был на всех собраниях. Он ответил мне на это так:

— А чорт его знает, куда он стрелял; на портрете следов пули и выстрела не нашли, но уважаемый Николай Григорьевич был просто пьян и, вероятно, сам не знал, что он делает.

По весьма понятной причине выборы Магеровского произведены были секретным образом устно, посредством секретных переговоров собравшихся между собою. Все документы для отъезжающего были приготовлены заранее без прописи фамилии и находились у Камянского, который взял с собою и подписанное депутатами прошение царю.

Через час или два после закрытия заседания, Магеровский явился к Камянскому, от которого получил прошение и двух сортов документы: одни с предписанием о командировке его в Петербург для подачи прошения царю, а другие — проездные под вымышленной фамилией, во избежание задержки его в пути. В тот же день поздно вечером Магеровский выехал из Екатеринодара. Нужно было торопиться, чтобы успеть подать прошение раньше, чем туда дойдут сведения о завязавшейся борьбе из Ставрополя.

До Петербурга Магеровский доехал, переодетым в штатское платье, благополучно и явился прямо к Порохне, которому подробнейшим образом доложил о положении дел и вручил ему личное письмо от Камянского, просившего содействия молодому офицеру для выполнения столь важного поручения.

Явился он рано утром прямо с вокзала. Порохня принял его очень радушно и оставил у себя на квартире, сказав, что тут ему будет безопаснее всего на случай его розыска и обещал сегодня же принять все меры и порасспросить у кого возможно, каким способом вручить царю прошение, так как он увидится с депутатами других Войск, которые не откажут ему в своем содействии, ибо их сочувствие на стороне Черноморцев. Действительно, возвратившись из главного управления иррегулярных Войск Порохня объяснил Магеровскому, что имел разговор о его деле и порешили, что это дело довольно трудное и обыкновенным для этого путем едва ли достижимое. Единственное средство — устроить так, чтобы увидеть царя во время прогулки и обратить его внимание на себя, показав сложенную в виде прошения бумагу. Весь вопрос заключается в том, чтобы найти средства и возможность пробраться в царское село, где в настоящее время находится царь и в известный час совершает прогулку по парку. Ему, т. е. Порохне, обещали сделать разведку по этому делу, а он сам сегодня же отправится в наш гвардейский эскадрон конвоя, чтобы там разузнать кое-что по этому поводу. Разумеется, что на следующий день это будет уже достаточно определено. Но во всяком случае нужно горопиться, так как полученные из Ставрополя сведения, которых еще пока нет, могут затормозить и, пожалуй, и совсем помешать всему.

На другой день Порохня возвратившись из управления, сказал Магеровскому, что из Ставрополя еще никаких сведений нет и что завтра он вместе с Магеровским поедет в Царское село, при чем Магеровскому нужно быть в парадной форме. При этом прибавил, что Магеровскому следует сегодня же собраться к выезду из Петербурга, чтобы, по приезде из Царского села, переодеться в дорожный свой костюм и немедленно отправиться на вокзал и уехать в Екатеринодар, так как по всей вероятности его будут розыскивать. В случае запроса Порохня, скажет, что к нему действительно приезжал племянник, но не офицер, а штатский, и что он уехал из Петербурга накануне появления офицера в Царском Селе.

Каким путем и способом пробрался в парк Царского села Магеровский, осталось тайной, которую он унес с собой в могилу. Когда в 1879 году я спросил об этом Камянского, бывшего гостем в нашем доме, он ответил: Не знаю. Магеровский сказав мені, що він дав чесне слово Порохні нікому і нічого про це ні з ким не балакати. Каторжний хлопець так і вмер, нічо-

го не сказавши. Як би був живим, то тепер може що небудь і взнали б, бо давненько це діло було. Та нещасний не винніс тієї передраги, що випала на його долю. Він був слабкий на груди, а після такої каторжної дороги в осені, як вертався до дому, ще й простудився, а весною й Богові душу віддав.

В парке же произошло следующее. Согласно приказанию Порохни, Магеровский остановился с боку аллеи, по которой должен был проходить царь. Не более получаса прошло после того, как он занял свое место. На аллее показалась группа из четырех человек, позади которой на некотором расстоянии шли два конвойных казака. Магеровский, подпустив их шагов на тридцать, взял под козырек, а в левой руке против груди, держал запечатанный пакет с прошением так, чтобы он виден был подходящим. От группы, посреднике которой был царь, которого Магеровский сразу узнал, отделился флигель-адъютант и скорым шагом подошел к нему. Осведомившись в чем дело, флигель-адъютант взял от него пакет, вскрыл его и, развернувши прошение, подал государю, который на ходу просмотрел первую страницу, не читая взглянул на вторую и, свернувши опять, положил его за обшлаг левого рукава, так как в то время, согласно форме, обшлага не пришивались к рукаву. Поровнявшись с Магеровским, царь наклоном головы поздоровался с ним и спросил:

— Тебе известно, что написано в прошении?

— Никак нет, Ваше Им. Вел-во. Я получил запечатанный пакет, с приказанием лично передать Вашему Им. Вел-ву.

— Хорошо. Можешь доложить своему начальству, которое командировало тебя, что ты в точности исполнил его приказание.

Как только группа миновала Магеровского, он сейчас же скорым шагом направился к выходу из парка и, по научению Порохни, пошел не по тому пути, которым вошел в парк, а по другому. Выйдя из парка, Магеровский поопасался идти на вокзал, а за бешенные деньги нанял парного извозчика, уже к ночи подехал к квартире Порохни.

В ту же ночь с последним поездом он выехал в Москву в штатской одежде, но в Твери высадился и продолжал путь по Волге из опасения, что если будет розыск, то чтобы не перехватили его на почтовом тракте.

Действительно, говорят, на другой или третий день по его выезду, жандармы розыскивали его в Петербурге, но в это время Магеровский был уже далеко от Петербурга.

Санжа Балыков.

О казачьей художественной литературе.

(Донцы).

Цель настоящего краткого очерка — затронуть и постараться, с своей точки зрения, осветить вопрос: существовала ли казачья художественная литература раньше, в условиях общероссийской жизни, помимо (достойного внимания и изучения) казачьего устного творчества — песен — и (строго различая поставленный вопрос о литературе о казачестве) если таковой не было, то в возможных причинах такого явления и, наконец, установить — есть ли чистая казачья литература в наши дни; если есть, — по каким она путям идет, каковы эти пути и, поскольку это допустимо, попытаться предугадать ее возможное будущее.

Для того, чтобы ответить на первый из затронутых вопросов, придется поискать признаки казачьей литературы в составных элементах русской художественной литературы, так как жизнь Казачества, с давних пор и до сегодняшних дней, протекает в общем русле российской жизни. Можно смело утверждать, что поиски эти будут напрасны. В обширной русской литературе особого отдела „Казачьей литературы“ не было; мало того, даже литература о казачестве была весьма не обширна.

Жизнь Казачества, его душа, даже крупные исторические события в его жизни, подчас грозившие изменить судьбу всей России, умышленно или нет, почти не находили отклика в старой русской беллетристической литературе. Самые крупные представители ее старательно брали литературными типами всяких Антонов Горемык, Смердяковых, Петрушек, Мармеладовых, Каратаевых, Макаров, Чудра, Поликушек, Акимов — из народа и Онегиных, Печориных, Плюшкиных, Базаровых, Безуховых, Санниных — из аристократии, а казачьи типы оставались не тронутыми. Кроме „казачков“ Л. Толстого, отчасти „Капитанской дочки“ Пушкина, „Тараса Бульбы“ Гоголя и, кажется, „Черного года“ Данилевского, едва ли что можно привести в опровержение этого, утверждения.

Несомненно, что упомянутые вещи, особенно первые три, исключительны по качеству, но, из интересного, богатого событиями быта Казачества, можно было бы вычерпать и еще кое-что. После Толстовского „Казачки“, в русской художественной литературе Казачество долгие годы, почти до революции 1917 года, блистательно отсутствует. Правда лучше Толстого не напи-

шешь, но его „Казак“ дают картину очень давно прошедшего казачьего быта и при том только незначительной его части — Линейного Казачества.

События 904—5 годов, в которых Казачество приняло такое активное участие и которые в душу казака вселили много острых переживаний, может быть, впервые заставили его задуматься над вопросом: „кто он такой, почему оказался в такой роли“, в беспристрастной художественной литературе почти также не отражены.

Только последняя революция, в которой Казачеству опять было суждено сыграть такую видную роль (и какую, принимая во внимание казачью порядочность, любовь к порядку, его бережное отношение к созданным трудам человеческих, оно не могло не играть), заставила русских беллетристов обратить усиленное внимание на Казачество, на его быт, на события в его жизни, на его душу.

За последние пять-шесть лет исторические романы, бытовые повести, романы — хроника и рассказы, взятые из жизни Казачества, все умножаются. „Степан Разин“ — Чапыгина, „Пугачев победитель“ — Первухина, „Казак“ — Наживина, „Фенькин яр“ — М-Мологова, „Куричья коса“ — Магусевича, „Пучина“ — Гладкова и, наконец, интереснейший, еще не законченный, большой роман „Тихий Дон“ — Шолохова и его же „Донские рассказы“ укрепляют мое утверждение.

Но все это — русские писатели о Казачестве, т. е. скорее литература о казачестве, а не казачья литература. А само Казачество, выдвинуло ли оно из своей среды писателей, посвятивших свои силы всецело своему народу, Казачеству?.. Почти что нет, и, таким образом, приходится делать вывод, что у казаков, специально своей казачьей литературы раньше не было. Была у казаков своя интеллигенция, люди интересовавшиеся чистой литературой, были даже и писатели из казаков, но казак интеллигент, тем более писатель, почти всегда физически и духовно отрывался от родной среды и тонул в массу русской интеллигенции, в массу российских писателей, забывал Казачество, делаясь бесполезным для него, начинал писать об Ай-Петри, о величии Императорской России, об Абиссинии, лишь попутно, кое-где, на подсобных ролях выводя казаков. Приятым исключением от этого явления может составить Ф. Крюков, в своих творениях действительно отражавший Казачество со многими его особенностями, и рано умершие Кумов и Краснушкин.

Все это в далеком и недалеком прошлом.

А теперь, в наши дни?..

Я не имею данных судить о литературных попытках казаков в Советской России; даже такой интересный писатель, как Шолохов, пишущий только о казаках, точно не известен, кто — он, казак или нет, но в эмиграции, в этом отношении, среди Казачества наблюдается довольно любопытное и утешительное явление.

Казачья учащаяся молодежь, студенчество преимущественно, как молодые петушки на заре, распелась на разные голоса. И чего и кого только тут нет! Бесчисленные стихи, масса всяких рассказов, былей, исторических легенд, даже посягательства на романы...

И что отраднее, много их, молодых казачьих литераторов, пробующих свои силы; если прибавить сюда присущую казакам их настойчивость, энергию, сочувственную читательскую массу, так влияющую иногда на импульс пишущих и свою казачью печать, поощряющую их попытки, о значении которой излишне говорить, то дело обещает обратиться в серьезное литературное движение.

В этом отношении казаки опять таки лишней раз показали, насколько они духовно различны от русских. Ведь в русской эмиграции, как замечают некоторые их критики, наблюдается литературный застой, старые писатели постепенно сходят со сцены, теряют своих читателей, а появляющиеся молодые силы столь немногочисленны и незначительны, что буквально приходится искать и искусственно выдвигать „таланты“. Я лично думаю, что это не совсем так, таланты молодые и среди русской эмиграции есть, но все же приходится несколько считаться и с указанными заявлениями самих русских авторитетов.

По мнению тех же, это печальное явление — есте-

ственно и неизбежно, ибо, будто-бы, в среде, физически и духовно оторванной от родной почвы, не может возникнуть и развиваться литература. Доводы их за это убедительны, закон, действительно, как-будто, немоллимый; но, Казачество в эмиграции проявляет явную тенденцию не подчиниться этому закону. Видимо, казаки, хотя физически и оторваны от родной почвы, духовно крепко связаны с ней.

В казачьей эмиграции многие пишут, пишут упорно, старательно, и некоторые, по своему, уже недурно. Я умышленно не называю ни имен, ни названий, так как все они, за небольшими исключениями, молоды, только начинают писать и разбирать их произведения, указывать на недостатки одних и достоинства других, предсказывать будущее, устанавливая на каждого твердую цену, было бы рано, опрометчиво; такие указания, обыкновенно, ни к чему хорошему не ведут, а нагадить могут.

Кроме того, очень трудно писать о людях в большинстве лично знакомых, среди которых есть други и недруги и потому риск впасть в область необъективных оценок слишком велик. Только время и, как говорят, „беспристрастная история“ литературы, в свое время покажет, что из кого вышло.

Одно только не могу не сказать, что в лице покойного Гончарова молодая казачья литература понесла чувствительную потерю. Он, безусловно, был один из лучших в своей молодой семье, подавал самые розовые надежды. Конечно, как у всякого начинающего молодого, и у него были случаи подражаний, скачки в этих подражаниях, но у него было уже и свое лицо — Гончаровское и несомненно, что из него, в дальнейшем, вышел бы крупный казачий писатель с Казачеством для своего творческого объекта непременно.

В сюжетах молодых наших прозаиков преобладает реализм, старый казачий быт, эпизоды из давно прошедших исторических событий, случаи из революционных годов, в поэзии же — песнопения о героических древних временах, тоска по родине, по утерянной свободе, любовь к своей родине — Казаккии, смелые вызовы на борьбу за свое бытие и, там и тут, почти полное отсутствие картинок из быта эмигрантского.

Все это можно объяснить особенностями переживаемого момента. Находясь на чужбине, в условиях, когда душа тоскует по родине, по родным мотивам, трудно писать серые, ненавистные будни эмиграции, с ее мелкой грызней, с полным разбродом мыслей и целей, с ее горем и нуждой, да и возможность впасть при этом в зловонный фельетонизм бывает неизбежна. Недаром все лучшие истории революции пишутся десятки лет спустя, когда обыватель успевает уже позабыть про нее, а не во время самих революций. Так и наш эмигрантский быт, может быть, найдет свое место в казачьей литературе, когда самой эмиграции уже не будет.

Интересное явление приходится наблюдать среди казачьих писателей в языковом отношении. На мой взгляд, по скольку нет у казаков своего разговорного языка в строгом смысле этого слова (не принимая за язык) некоторые местные особенности казачьего говора) не может быть у них и своего особого литературного языка; образцами для молодых казачьих литераторов должны служить лучшие образцы русской классической литературы; однако, некоторые молодые казачьи писатели пытаются создать свой литературный язык, культивируя для этого простонародный казачий говор. Из таких попыток получается нечто неудобное для чтения и не благозвучное для слуха. Эти попытки следует оставить и народный казачий говор употреблять в литературе более осмотрительно, в случаях крайней необходимости. Для того, чтобы создать свое государство, Казачеству вовсе не нужно выдумывать свой литературный язык, тем более русский литературный язык он не только русский, но и общероссийский, создателями его были люди различных кровей и происхождений, язык этот некоторым образом искусственный, в Российском масштабе интернациональный. Ведь большинство лучших русских писателей были не чисто русского происхождения (Державин, Пушкин, Аксаков, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Герцен, Надсон, Кушрин,

Зайцев Б. и пр. и пр.); если строго разбираться, то казачий народный говор окажется гораздо ближе к русскому литературному языку, чем говор мужика Пермьяка, Пензяка или Сибирских окраин, с которым с трудом объяснялся даже Короленко.

Таким образом, я совершенно не вижу оснований отказываться казачьим писателям от русского литературного языка. Особенности казачьих писателей, их национальность будет не в языке, хотя некоторый местный колорит и в нем будет, а во внутреннем содержании их произведений. Казачий писатель будет писать

о казаках, отрицательные и положительные литературные типы будет выискивать из казачьей среды.

Итак, путь молодой казачьей литературы должен быть таков: Средство — русский литературный язык. Содержание — Казачество. Нужно надеяться, что природная способность, заложенная в недрах казачества, при направлении усилий в эту сторону, выдвинет хороших казачьих писателей, которые создадут и казачью литературу.

Некоторые из современных пишущих молодых казаков такую надежду подают.

Ф. Штовхань.

На пароходе.

К годовщине оставления Крыма.

(По дневнику).

Недалеко от города Феодосии, в селе Насыпкой, был размещен один из казачьих артиллерийских дивизионов... 30 октября (по ст. ст.) я встречал казаков с радостно-сияющими лицами. Батарейный вахмистр обходил квартиры и объявлял, что завтра выступаем. Куда, еще никто не знал... 31-го рано утром части оставили село и направились в Феодосию. При входе в город мы увидели неожиданную картину. — Улицы были забиты обозами, торопливая беготня и полный хозяйственный беспорядок. Валялись по улицам разбитые коробки и ящики, как будто недавно с ночевки ушел обоз какой-нибудь большой воинской части. Все тянулось к пристани. Здесь уже открыто говорили о том, что Перекоп сдач, а это значило, что сдач весь Крым. Снова на казаков дохнул ужас. Все стали молчаливы и угрюмы. Только изредка можно было слышать, как то один, то другой „по секрету“ передавали друг другу о тех „новостях“, какие уже не секретно носились в городе.

— Я чув, що Перекоп наші уже здали і кажуть, що будемо грузиться на пароход без коній і орудій. Все кинемо тут.

— А як же тоді? Спрашивал его слушающий и с затаенным дыханием ждал ответа.

— Не знаю — отвечал, пожимая плечами, сообщавший неприятную новость.

Подошли к пристани, у которой стоял „Дон“ и „Владимир“. Здесь казакам было объявлено, что они будут садиться на пароход, при чем, с собой разрешалось взять только самые необходимые вещи и съестные продукты дня на три, четыре. Лошадей можно продавать или просто бросать. Седла разрешено было взять с собой.

Тяжело было казаку проститься с конем, а еще тяжелее было при мысли, что он взял его из дому почти последним, так как своих лучших лошадей, казаки уже отвели на побережье Черного моря во время мартовского отступления и при сдаче они пошли, как трофеи победителям...

Подошла и наша очередь садиться на „Владимир“. На палубе толпились казаки, смотревшие по набережной в направлении Итальянской, и один другому говорили:

— Он мій кінь пішов і задумався...

— А мій повернувся. Дивись, йде сюди. Йому, мабуть, також хочеться на Кубань...

Я спустился в показанный мне „наш“ трюм. „Владимир“ был уже перегружен. Сверх обыкновенной нормы пассажиров, шесть тысяч, как говорили на пароходе, он уже вместил около десяти тысяч кубанцев. Полно везде и всюду. Нигде не найти свободного места, где бы можно было положить свои вещи. Казалось, что нужно бы высадить оттуда тысячи три людей, тогда бы можно было как-нибудь разместить остальных. Но ходят упорные слухи о том, что на „Владимир“ ожидают еще кубанские кавалерийские части и конная артиллерия.

В том трюме, куда я опустился, располагались казаки; их так много было, что мои глаза не сразу уви-

шли своих. На нашу долю выпало так мало места, что приходилось чередоваться на местах. Я пришел почти последним; мне уже негде было положить свои вещи; пришлось ждать с полчаса пока все уложили свои вещи. В трюме стояла страшная духота и было жарко; табачный дым наполнял его густым и толстым слоем тумана; сквозь который бледными и слабыми потоками пробивались лучи электрической лампочки. Казаки лежали на полу трюма, плотными рядами, но еще не спали. Среди них были такие, которые не могли помириться с печальной действительностью. Они создавали ложные надежды, может быть для самоутешения. Уже говорили о том, что это десант на Кубань, а для того, чтобы закрыть нелогичность этого „десанта без оружия и лошадей“, говорили, что оружие и лошади бросаем с целью, чтобы „отвести“ Крымское население и большевицкую контр-разведку... Что же касается оружия и лошадей, то... это все ждет уже на пароходах в море и будет выдано в свое время. И нашлись такие, что приняли эти слухи за чистую монету. Мне смешно и грустно было видеть такую детскую доверчивость наших казаков. Но они верили в то, что это может быть правдой, даже мне кто-то сказал:

— Вот тебе место, ложись. Темновато, но ничего потерпим, долго не будем на пароходе, дня два, три, а там... — Прищурив глаза, придал выражению лица многозначительный вид.

Я перенес свои вещи и надлежаще уложил их. Попросив соседа никому не уступать моего места, я ушел на палубу. За городом, по направлению Перекопа, слышен был артиллерийский гул, а через некоторое время с правой стороны отозвался и пулемет. В городе показались огни. В это время сзади меня раздался голос: — Жгут казенные склады обмундирования и провианта. Помолчал немного, затем снова тем же глухим голосом:

— Очевидно сегодня будут взрывать и склады на железнодорожной станции со взрывчатыми веществами и снарядами. Почти сейчас же после последнего его слова, с противоположной стороны раздался сильный гул. Затем отдельные прерывистые взрывы, напоминающие артиллерийские залпы. Сила взрывов была настолько велика, что создавалось такое впечатление, будто на том месте провалилась в бесконечность земля и в эту бездну хлынет все Черное море, полетит Феодосия и мошкой мелькнет „Владимир“. Я пришел на другую сторону палубы; прислонился к борту и устремив свои глаза в ту сторону, где виднелось кровавое зарево небосклона. Скоро наряд комендантской команды парохода попросил всех сойти в трюм. Опустился и я; это уже было около десяти часов. Большинство казаков уже спало. Не слышно уже было говора. Только отдельные казаки, в полуосвещенном трюме, сидели с полупоткрытыми глазами и печальными лицами. Здесь не было слышно треска пулемета и взрывов, их заглушали удары о пароход морские волны. Было далеко за полночь; меня одолевала усталость и сон. Я склонился на своего соседа и уснул.

Как долго я спал не знаю, но открыв глаза и уви-

дев рассеянный дневной свет, я быстро стал на ноги и поднялся на палубу, чтобы подышать хотя немного свежим воздухом. Пароход уже отошел от берега; он стоял в море на якоре; людей на нем значительно прибавилось и еще больше чувствовалась теснота и толкотня. Пассажиры прибывали лодками, из которых одна сообщила, что город уже занят...

Пароход снялся с якоря. Сначала мы шли не совсем далеко от берега. Все время было его видно. К вечеру подошли к тому месту, где расположена Ялта. Там снова стали на якорь и снялись только вечером.

На следующий день, когда я вышел на палубу, то уже не было видно суши. С грустью я возвратился в трюм. Здесь тоже тихо и грустно. Казаки один другого спрашивали:

— Ну, як ты думаєш, куда поїдемо? — Но ответа на такие вопросы никогда не давал тот, к кому он прямо относился. В таких случаях вопрос развязывался третьей особой, совершенно незнакомой беседующим:

— Начальство знає, куда поїдемо і знає, що буде-мо робити. Одпочинемо трохи, та й знову на Кубань. Все умолкли. Такой ответ удовлетворял всех, а на некоторых лицах можно было читать бессловесное:

— Та дай Боже.

После этого долго никто не решался поднимать таких вопросов, а группировались по три, четыре, а иногда и больше. Объектом разговоров было прошлое — и далекое, и недавнее. Больше всего говорили о действительной довоенной службе, о своем тогдашнем начальстве и с особенной любовью и уважением казаки вспоминали своих старых офицеров. В эти дни еще не чувствовалось особой нужды. Каждый имел с собой на два, три дня продуктов; хотя уже не доставало воды, но с этим еще мирились в первые дни; правда очередь уже была большая, но все таки можно было достояться. Паразитов тоже на верху не было, они еще прятались где то под рубцами одежды. Но спустя два, три дня эта мразь расплодилась настолько, что не смогла вся вместиаться под рубцами нижней стороны одежды и выползла наружу. Как будто по приказу, паразиты выползли наверх в один день и в один час. Особенно рельефно они украшали одетых в черные шинели. Белые, больших размеров, они лениво ползали по всех нас. С отвращением сторонились от шинелей черного цвета шинели цвета „хаки“. По последним шинелям ползли в таком же количестве, но на шинелях цвета „хаки“ они были менее заметны, поэтому казалось, что человек имеет еще приличный вид. Особенно неприятно укалывало, когда на тебя показывали... Каждый такой человек, быстро опускался в трюм и, пряча от стыда, украдкой собирал их на своей шинели и со скрежетом зубным на своих ногтях давил паразитов. Так было в первые дни. Но, кто то великий сказал, что человек ко всему привыкает. Так случилось и теперь. Обитатели парохода привыкли. Не было безразличности даже в тот момент, когда принимали пищу, а сбоку, почти рядом соседи толкли вшей. Огрубела и очерствела человеческая душа...

Везде и всюду очереди, с естные запасы оканчивались; тот, кто их имел больше, неохотно делился, а к тому еще и слухи, что на пароходе останемся еще дней восемь. Запасы продуктов, какие были на пароходе, на руки не выдавались, кроме сельдей. Все остальное, как мука, картофель, крупа — шло на кухню, а оттуда выдавалось в общей очереди, всем присутствующим на пароходе. Конечно, всем не хватало. Кухня на пароходе была приспособлена для команды парохода и нормального числа пассажиров. Кухня же ресторана обслуживала больных, раненых и детей. С общей же кухни могли получить более сильные и более энергичные, но менее энергичные и уступчивые никогда не пользовались вареной пищей с кухни и должны были оставаться на сельдях, которые выдавались в частях. Правда, и эта выдана была только в нашем трюме; в других же трюмах были консервы, а в третьих ни того ни другого. Каждый трюм жил своей „автономной“ жизнью.

В первый день нашей группе было выдано по две сельди. Проголодавшиеся с’ели их залпом, а спустя полчаса их уже томила жажда. Очередь у крана нача-

ла увеличиваться. Но это было-бы еще ничего, а несчастье заключалось в том, что дестиллятор не мог переработать такое большое количество воды, чтобы можно было удовлетворить всех. В первую очередь вода подавалась больным и раненым, детям, затем на кухню и уже в последнюю очередь для тех, кто составлял очередную веревку у крана. Очередь все больше и больше росла, так что последние теряли надежду на то, что они смогут дожидаться. Многих жажда так мучила, что они принуждены были пить горько-соленую морскую воду.

Безмерно надоели всем сельди; хотелось хлеба или чегонибудь, только не сельдей. Были и такие, которые совсем ничего не имели к еде. На палубе они столкнулись с новым открытием. В одном трюме была мука; казаки ее и пустили в ход. Они колотили тесто; обклеивали им парходную трубу и получали вполне приличные „коржи“. Но это продолжалось недолго. Голод подбирался все больше и больше. поэтому к трубе прильнули, кроме казаков, и женщины. Это были большей частью сестры милосердия и „палубные семьи“. У трубы очередь увеличивалась; дам поставили в одни и те же условия; ни для кого никаких привилегий не было. Очередь прискорили настолько, что едва присыхало тесто, его отрывали от трубы и в таком виде ели. Для меня это прошло менее болезненно. Я имел небольшой запас, кроме того мне еще на пристани при погрузке, в виде подарка Я. Р. сунул банку (4-5 кило) французских консерв. Поэтому я почти не чувствовал голода. Только в последние дни, в нашей тройке все окончилось и нам пришлось перейти на сельди. Но мы их ели с таким расчетом, чтобы „кульминация“ жажды была в десять-одиннадцать часов ночи. В это время уже многие спали и в очереди можно было достать воды.

*

6-го ноября я вышел на палубу. День был тихий и солнечный. Все потянулись к солнцу; трюмы опустели. Тихой и угрюмой волной публика двигалась по палубе. Все были бледные, заросшие и не мытые; это придавало людям вид еще более измученный. Казалось, что никому не хотелось ни о чем говорить и никого не хотелось слушать. В это время на палубе раздался громкий и тревожный голос:

— Пароход кренится. Приказываю всем сойти в трюм! —

Все обернулись и недоверчиво посмотрели в сторону капитанского мостика. Увидели встревоженное лицо капитана и полковника-коменданта парохода. Он снова крикнул:

— В трюм! Стрелять буду!

Все полетело вниз. Почти за минуту палуба опустела. И только спустя полчаса, мы узнали, что действительно были почти на пороге гибели. Самые нижние трюмы „Владимира“ были пусты, а из средних трюмов казаки вышли на палубу и неравномерное распределение толпы на палубе вывело пароход из равновесия, поэтому он и начал крениться на сторону большего перевеса. Еще два, три градуса, он накренился бы на 45° и перевернулся бы. После этого комендантская команда внимательнее следила за движением на палубе, да и сами казаки следили за этим. Почти все время оставались в трюмах, только в самых необходимых случаях выходили на палубу. В трюме снова стала духота и едкий табачный дым наполнял его так, что почти нечем было дышать. У меня от этой духоты кружилась голова. Я ждал вечера, чтобы воспользоваться безлюдным моментом и остаться на палубе подольше. Как только прекратилось движение в нашем трюме, я подошел к лестнице и начал подниматься наверх. Передо мной встал силуэт. Он сначала всматривался в меня, а затем радостно воскликнул:

— Здоров!

Я узнал в этом голосе Е. С. и очень обрадовался этой встрече.

— Как ты попал сюда? спросил я его.

— Да, можно сказать, по счастью. Перед самым отходом „Владимира“ мы подошли к пристани. Пароход только из-за нас и задержался лишних полчаса. Нас

поторопили погрузиться и вот я очутился на „Владимире“.

Вспомнили вместе о том, что еще не так давно мы были в батальоне, в нашей боевой шестой сотне. Так живо перед нами встал Екатеринодар, вторая мужская гимназия... Славное время было... А теперь... Только нас два со всего батальона, а остальные... Часть уже в могиле спит непробудным сном. Им лучшая доля досталась. Они отдали за счастье Края свою жизнь. А часть пьет наполненную до краев чашу... Некоторые в русских концентрационных лагерях, а некоторые — казенные грузчики на станциях железной дороги...

— Слышал вчера стрельбу на пароходе?

— Слышал — ответил я ему.

— Я в это время был на палубе. Был свидетелем картины: по палубе прошел взвод казаков с винтовками; они поднялись на тот мостик — он указал на нос парохода. — А оттуда показалась небольшая похоронная процессия. Мертвец был завернут в какой-то темный холст. На веревках начали опускать по над бортом в море. Подалась команда:

— Взво...д пли! —

Со звуками залпа труп погрузился в воду. По всему моему телу пробежала лихорадочная дрожь...

Но, ведь не только здесь почил казачьи кости. Они рассеяны от подножья гор Кавказа до Орла. Окропила казачья кровь длинную дорогу, а на Кубани потоками она лилась... Без оружия в руках — львами дрались казаки.. Помню 1918 год. Я видел, как сотня за сотней, с десятью шашками в каждой, а в остальных только плети, да громкие крики „ура“ несли свои головы на густой дождь пулеметной ленты. Это было под Т., Р. и П. Все так живо и с такой отчетливостью встает передо мной, как будто это было вчера. Тяжело вспоминать такие дорогие подвиги и так дешево оцененные. Не будем больше растревлять своей усталой души. Мы были слишком просты душой, гостеприимны и доверчивы. Все находили убежище и спасение у казаков. А после немного ожили, подкормились казачьим хлебом и хотели повести за собой на веревке...

— Ты куда сейчас?

— Пойду в свой трюм — ответил я.

— Подожди немного. Пойдем ко мне. — Спать еще не хотелось и я согласился. Мы тихо опустились к нему в трюм. Когда сошли по лестнице на такую высоту, с которой видно было расположение всего трюма, С. прошептал.

— Смотри направо...

В слабо освещенном углу, среди спящих офицеров и казаков, стояла в полуизгибе сестра милосердия. Одной рукой она держала немного приподнятый подол своего платья, а другой что-то выбирала...

— Несчастливая. Мне ее жаль, — проговорил он тихим голосом. Но, очевидно, этот шепот долетел к ее ушам. Она испуганно вздрогнула, быстро выпустила из своих рук платье и стала в полном росте. На ее смуглом, красивом лице, с черными глазами и двумя рядами жемчужных зубов, лежало возмущение и негодование. Глаза ее зло сверкали и без слов говорили:

— Нахалы.

— Сестра, простите, мы...

Я уже больше ничего не слышал, быстро поднялся на верх. Почти за мной вышел на палубу и С.

— Несчастливая, повторил он. Она одна среди нас; мы ее не стесняемся, толчем их днем и ночью без нее и при ней, а она конфузится. Только вечером, когда все улягутся, она объявляет им войну. Вот тебе и действительность жизни. Что же дальше, сбросим казачьи кости по всему земному шару, а во имя чего?..

На следующий день показалась суша. Вошли в Босфор. Вечером „Владимир“ остановился на рейде, среди стоявших там и ожидающих распоряжения других пароходов. Казаки недолго оставались, на палубе

да уже и поздно было. Каждому хотелось немного поспать, чтобы завтра рано подняться и при дневном свете взглянуть на Константинополь, а, главное, каждый занят был мыслью о том, как бы пораньше достать хлеба.

Еще чуть-чуть загоралась на востоке утренняя заря как к нашему пароходу начали приставать лодки, с одним или двумя турками, и хлебом. Среди казаков почти никто не умел говорить по турецки, но торговля завязалась во всю. Казаки показывали туркам свои вещи, а те снизу то, что могут дать. В большинстве турки показывали небольшой хлеб, приблизительно около кила, правда очень белый и пухкий и одну или две вязки инжиру, около полтора фунта. Если ему давали знаки, что мало, то турок добавлял еще небольшую вязку инжиру, или маленькую булочку хлеба. Таким образом, „товарообмен“ открыт, а это сейчас самое главное. Торговля пошла в полный ход. В турецкие лодки посыпались, револьверы, часы, портсигары, седла, а самое главное, что наполняло турецкую лодку, это английские шинели, френчи, брюки и ботинки. Голлод так вымучил, что никто ничего не жалел и за самую маленькую плату (в переводе на деньги) отдавали дорогие вещи. Особенно слабые характером пострадали в этот момент: напуганные тем, что это не последняя остановка, они делали запасы. Только часам к десяти комендант парохода обратил на это серьезное внимание и обратился ко всем казакам, можно сказать, с просьбой, чтобы они не „распродавались“. Он сообщил, что получим хлеб, но как скоро он сам не знал, поэтому приказывать голодной массе, голодать дальше он не мог. И только после того, когда он узнал, что это будет наверно и уже скоро, то он отдал строгое приказание прекратить „обмен“. Приблизительно около 12 часов, к нашему пароходу пристали две баржи с хлебом и консервами. Выдали около кила каждому хлеба и небольшие коробки консерв. Положение начало улучшаться, настроение у казаков поднялось. Кроме этого упорно ходят слухи о том, что здесь сойдут на сушу дети, раненые и больные. Это было уже одним из признаков, что мы тоже скоро оставим пароход и сойдем на сушу. Это было главным желанием каждого казака, потому что пароход безмерно надоел, просто опротивел каждому. Как будет на суше никто не знал, но каждый предполагал, что хуже как на море в такой обстановке не будет.

На следующий день к нашему пароходу подошел катер, в него сошли дети, перевели больных и раненых. Мы позавидовали им в том, что они уже простились с пароходом и через десять, пятнадцать минут будут на суше. С нетерпеливостью ждали того времени, когда „Владимир“ подойдет к пристани и нам объявят, что сегодня мы покинем его. Но он простоял еще этот день и только вечером, когда почти совсем стемнело, снова снялся с якоря. Теперь мы уже знали, что через несколько часов пристанем к одному из островов Эгейского моря. Вошли в Мраморное море; Дарданелы; шли не далеко от берега. С парохода долго были видны огни прибрежных сел и городов. Но постепенно берег от нас начал удаляться. На второй день показалась снова суша. На палубе было много казаков. Все они смотрели в ту сторону откуда виднелись берега суши, которым суждено приютить Кубанскую эмиграцию. Берега уже ясно вычерчивались среди воды, а через час мы подошли почти к самому берегу и стали на якорь. Против нас не было никаких селений; с левой стороны, отделенный узкой полосой воды, виден был небольшой город, но видно было, что мы направляемся не туда.

Через полчаса к „Владимиру“ пристала баржа, она забирала пассажиров и отвозила к пристани острова. Я попал в первую очередь и в то время, когда диск огненно красного солнца соприкасался нижней своей частью с линией горизонта, моя нога ступила на сушу острова Лемноса...

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

М. Самсонов.

Очерк по истории физического развития и воспитания.

II.

Древние греки были первым народом Европы, которые правильно поняли и оценили значение физического воспитания. Они первые поняли, что всесторонней гимнастикой тела можно достигнуть здоровья, силы и красоты, а потому в некоторых частях древней Греции стало законом, в других — традицией, чтобы все греки с детства и до двадцати-тридцати лет обязательно и неуклонно посвящали себя правильным занятиям гимнастикой.

Интересно проследить те причины, которые заставили греков с такой любовью отдаваться гимнастике. Причин было несколько. Я остановлюсь на тех из них, которые, по моему мнению, и у казачества были главными двигателями физической силы, ловкости, храбрости и отваги. Греция, окруженная с трех сторон морем, не имея соседей друзей, требовала от своего немногочисленного пастушеского населения неимоверного напряжения физических и духовных сил для защиты своей родной земли, своего государства от разных неприятелей. (Момент оборонительный). История Греции дает нам много примеров достойных уважения, когда действительно, греки проявили стойкость и отвагу, обороняя свое отечество. Греция была страной неплодородной и бедной, поэтому нужно было много старания, чтобы воспитать молодежь крепкую, здоровую и сильную, привить дисциплину, скромность, научить быть довольными бедными условиями жизни в своем отечестве и быть безупречно нравственными. (Момент жизнеприспособляемости). Для достижения этих качеств и служила, главным образом, гимнастика.

Поощряя и поддерживая все начинания и стремления к физическому воспитанию своей молодежи, греки всегда при том помнили и о духовном воспитательном его значении. Они видели, как постоянными упражнениями тело привыкает подчиняться приказаниям духа, становится подвижным, проворным, легче и лучше переносит неблагоприятные явления природы и что самые движения тела приобретают элегантность, целесообразность и гармоничность. Гармоничные движения, гармонично развитое тело, красота и рельефность мускулатуры явились источником для скульптуры и ваяния. Античные статуи, рисунки на вазах, барельефы сохранившиеся до наших дней, являющиеся недостижимым идеалом скульпторов и художников нашего времени. Изысканность фантазии, острота воображения наших современников не в состоянии дать тех красивых форм и линий, которыми восторгается весь культурный мир, созерцая творения древних греков. Скульпторы и художники, древней Греции имели возможность изучать на гимнастических площадках мускулатуру, изгибы и линии нагого человеческого тела, и они сумели совершенство форм и линий тела запечатлеть в своих бессмертных классических произведениях. Так, разрешила вопросы жизненной потребности (обороны и приспособляемости) гимнастика, разрешила и вопросы удовлетворения стремлений человека к красоте.

На гимнастических площадках греки воспитывали в своей молодежи воинственность и соревнование, старались развить чувство долга перед родиной, внушали и укрепляли мысль, что защита Родины — священная обязанность и наивысшая цель всех стремлений каждого грека. Гимнастическая площадка была для греческой молодежи серьезной подготовкой и к общественной жизни. Там, наряду с физической подготовкой, культивировали человека-гражданина. Там молодежь воспитывалась в любви к Родине в послушании — в работе и действиям коллективом, приучались к дисциплине и жертвенности. Там воспитывался могучий демократический дух равенства и вольности. На гимнастических площадках училось юношество уважать и ценить свою национальность. Там оно узнавало, какая разница между Еллином и варваром.

Гимнастическая площадка — гимнастика стала необходимой потребностью, школой жизни. Греки люби-

ли и стремились к гимнастике еще и потому, что в то время их к этому побуждал, владевший их мыслями и убеждениями натурализм и рационализм. Греческий натурализм направлял и учил, чтобы человек в своих исканиях в искусстве, в философии и науке обращался с полным доверием к природе и находил уже на этом свете конечную цель своей жизни. Земная жизнь поэтому не была для греков прозябаньем и печальной слезной юдолью, а была желанным, милым, любимым утешением, в котором соединялось человеческое бытие и служение правде, красоте и добру.

Жить в природе в гармонии с природою, радоваться жизни — вот греческий натурализм.

Жизненным девизом было: хорошо жить, делать добро и красиво умереть. Идеал грека — человек мужественный, статный и внешнеюстью красивый. Ксенофонт определил жизненные стремления каждого грека такими словами: „На первом месте почитаю богов, далее стараюсь, по силе возможности, с молитвою достичь здоровья и телесной силы, снискать себе славу, доброе отношение товарищей и красивой смерти“.

Другими словами, все сводилось к тому, чтобы в „здоровом теле — был здоровый дух“. В Греции ненавидели, презирали и публично высмеивали физически слабых людей. В Греции только здоровый телом считался гражданином, достойным участия в общественной жизни. Только за людей здоровых физически греки могли выдавать своих дочерей.

Гимнастика греками считалась столь же важной, как и философское учение. Сами философы того времени признавали гимнастику равноценной философии. Философы времен Перикла — Пифагор, Сократ, Платон и Аристотель признавали важность и необходимость гимнастики и сами уделяли ей много внимания и времени. Так, напр., Платон говорит: „Тело без гимнастики, что ум без образования“, а Аристотель говорит: „Забота о теле необходима ради души. Упражнение тела — отдых души“. Его желанием было, чтобы гимнастике учили как предмету, который ведет человека к мужественности и статности. Вот почему у греков люди, которые отличались необыкновенной силой и отвагой, люди, которые много добра сделали своему ближнему, назывались богоподобными, полубогами и героями.

В Греции впервые стали заботиться о том, чтобы упражнения производились систематично и вели к определенной цели. Здесь мы сталкиваемся впервые с тем, что само государство заботится о физическом развитии, как напр., в Спарте, а в Афинах государство вело надзор за воспитанием.

Воспитание молодежи в Спарте и в Афинах является образцовым в древней Греции, а посему на этих двух государствах является целесообразным (для будущей характеристики воспитания в Казачестве) остановиться подробнее.

Воспитание молодежи в Спарте было очень суровое и чисто военное. Государству нужны были сильные, мужественные, воинственные люди, чтобы держать в повиновении рабов и полурабов, численно в много раз превосходивших горсточку спартанцев. Право на жизнь имел только сильный!... С момента появления на свет ребенка, родители обязаны были дать его на осмотр эфорам (надзирателям), которые и решали судьбу новорожденного. Больных детей они бросали на съедение диким зверям, а здоровых возвращали родителям. В доме родителей ребенок находился только до семи лет, при чем родители не смели баловать своего ребенка. Потом ребенок уже отдавался государству, которое заботилось о дальнейшем его воспитании. Мальчиков уже с детства начинали закалять. Они должны были ходить босыми, без головного убора и в легкой одежде. С 12 лет они обязаны были в простой легкой одежде оставаться круглый год, спать без одеял на сене и соломе. С 15 лет обязаны были спать уже на го-

лых циновок. Пища была скромная, однообразная в ограниченном количестве — впроголодь. Были случаи воровства с голода, конечно, чего нибудь съестного. Пойманного на месте преступления наказывали, но наказывали не за то, что украл, а за то, что поймался. Каждый юный спартаец должен был стойко переносить телесные муки и физическую боль, а посему при бичеваниях перед алтарем богини Артемиды юноша скорей бы испустил дух, нежели бы услышал от него стон.

В Спарте обращали внимание главным образом на физическое воспитание, на воспитание же духовное меньше. Юноша должен был быть мужественным, физически здоровым, а чтение и письмо были предоставлены собственному усмотрению каждого. Спартанская молодежь была послушна и учтива к старшим, ибо каждый старший спартаец был для них примером и учителем, мог делать напоминания, а так же и наказания.

Девушки, также, как и юноши, упражнялись в беге, прыжках, в метании диска и копья и в борьбе. Ходили в легких одеждах. Были очень хорошо развиты и закалены. Нередко выступали на состязаниях в борьбе, как между собою, так и с юношами.

Воспитание спартацев продолжалось до 30 лет.

С 30-ти лет спартаец становился полноправным гражданином и уже мог жениться и заниматься своим хозяйством.

С 20-ти до 30 лет в период военной службы, каждый спартаец обязан был ходить на совместные общественные обеды, где, главным образом, и завязывались знакомства. Обеды устраивались общими силами и средствами, часто были очень не вкусны пересолены, переперчены, кислые, делалось это с целью, чтобы спартацы не были лакомками. Так спартаец с детства привыкал к простоте. Спарта была великолепным военным лагерем, прекрасных воинов и атлетов.

Воспитание молодежи в Афинах во многом было мягче, чем у спартацев. Здесь уже обращалось одинаковое внимание на воспитание физическое и духовное.

В Афинах (по Солону) до 7 лет заботились о ребенке родители. Время обучения и избрание специальности исключительно зависело от родителей и их социального положения. Обучение носило частный характер и происходило обыкновенно, в домах, на улицах, в садах и т. д. Обучались следующим предметам: 1. грамматике (чтение, письмо, счет), 2. музыке (игре на цитре, пению песней, танцам, мимике), и 3. гимнастике. За гимнастикой, как предметом обучения имело надзор государство. Та же часть гимнастики, которая касалась обучения военному строю, велась под непосредственным наблюдением государства.

От 7 до 16 лет молодежь обучалась гимнастике в палестре (гимнастическая площадка и площадка для игр), где, собственно, и проводили в играх все время своего детства. Играли в мячик, с обручами, качались на качелях, играли в чет-и-нечет, в прятки (кулочки), в жмурки, в пятнашки или в зайцы; а девочки играли в „чуркончики“ и проч.

В палестре мальчики упражнялись под руководством специалистов инструкторов и маэстро-гимнастов, которые вели гимнастику по строгой системе применительно к физиологии и анатомии детского организма. Мальчики от 10 до 16 лет были разделены на 3 отделения, всегда по два года в каждом. Занимались почти исключительно легкой атлетикой. От 16 лет они переводились в гимназию, где они образовывали до 18 лет отделение подростков. Здесь уже они воспитывались под руководством учителей, которые обращали внимание на гимнастические упражнения и на обращение с оружием.

По прохождении этого курса подростки подвергались экзамену и выдержавшие, получив звание эфебов-юношей, записывались в особые списки и образовывали особое отделение. В этом отделении от 18 до 20 лет обучались юноши следующим предметам: риторике (ораторству), музыке, грамматике, философии и гимнастике.

Первый год эфебы обучались гимнастике, фехтованию, метанию копья, стрельбе из лука, а второй год

несли охранную службу в Афинах и предместьях. По окончании этих двух лет назначался государственный смотр, после него юноши получали щит и копье. К этому дару государства эфебы относились с большим уважением. Получившие щит и копье были признаны государством полноправными гражданами и распределялись по воинским частям.

Физическое и духовное воспитание и развитие в Афинах достигло своего высшего расцвета во времена Перикла, это было время, когда философы особенно много писали и говорили о гимнастике.

Если сравним воспитание молодежи в Спарте и Афинах, то увидим большую разницу. Спартацы — мужественные воины, знаменитые полководцы и завоеватели. Афиняне — не только воины, но и философы, государственники, художники, скульпторы, архитекторы, строители и атлеты.

Воспитание в Спарте было все время односторонним, консервативным и касалось исключительно тела.

Воспитание в Афинах приспособлялось к духу времени и необходимости, было прогрессивным и отвечало всем запросам государства и касалось в равной мере души и тела, т. е. было всесторонним, гармоничным.

Все упражнения в Греции были всегда строго приурочены к силе, возрасту, и полу упражняющихся. Упражнения в сравнении с нашим временем кажутся очень сложными, но за то всегда были прекрасны систематизированы и целесообразно составлены. Ведь уже в древней Греции мы видим великолепно составленный пятибой (пятиборство), который и в наше время остался неизменным в своей основе. В пятибой входило: 1. бег, 2. прыжки, 3. борьба, 4. метания диска, 5. метания копья. В этих пяти видах и производились состязания.

Танец греки относили к гимнастическим упражнениям. Танец должен был придать движениям легкость, эластичность, элегантность и проворство. Танцами сопровождалась богослужебные обряды, торжества и театральные представления. Были также танцы дикие и воинственные. Так танец пририйский танцевался с оружием, в Спарте подростками, а в Афинах эфебами. Этот танец давал полную картину боя: атака на неприятеля, сражение, защита от ударов, бегство и пр. пр. Позже этот танец потерял свой воинственный стиль и стал обыкновенным танцем, который впоследствии, после падения Греции танцевали в Риме даже дети.

У римлян греческая гимнастика уже не находила живого интереса и отклика. Римляне уже не смотрят на гимнастику, как на средство воспитания. Да и направление самого воспитания было у римлян другое — практическое, утилитарное. У них не было такого стремления к науке и искусству, как у греков. Римляне стремились только к тому, что считали для практической жизни полезным и целесообразным. У них уже не найдешь греческой жизнерадостности и веселости, у них во всем сквозит серьезность, строгость и дисциплина. Воспитание молодежи у них сводилось к военной подготовке и муштровке. Физическими упражнениями занимались только такими, какие могли пригодиться им в военной обстановке, т. е. бег, прыжки, фехтование, метание копий, езда верхом и на колесницах.

Римские писатели и философы были яркими противниками греческой гимнастики, считали ее безнравственной и неприличной. Причину этой ненависти и отрицательного отношения вызывали главным образом греческие же атлеты и борцы. С момента, когда Греция стала провинцией Римской империи, греческие атлеты и борцы, уже превратившие гимнастику в ремесло, в большом количестве наводнили Рим и его провинции, образовали там кружки и общества, стали устраивать публичные выступления с целью легкой наживы, вели непристойный образ жизни.

Греческая гимнастика была окончательно погребена, а свой метод воспитания римляне тоже не смогли удержать на высоте. С увеличением провинций требовалось все большее и большее количество войска, появились наемные войска, а с их появлением началась и деморализация. Римская молодежь перестала смот-

реть на военную службу, как на долг гражданина, стала всемерно уклоняться от воинской повинности, а так как физическое воспитание было исключительно направлено к подготовке воина, естественно и в этой области начался упадок, который привел к тому, что римская молодежь стала изнеженной, склонной к праздно-

сти и лени. Физическими упражнениями стали заниматься только люди, посвятившие себя цирковым выступлениям — борцы и гладиаторы. С окончательным упадком гимнастики — умер и натуралистический красивый древний век.

(Продолжение следует).

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Виктор Карпушкин. (Брно).

КАЗАК.

I. Раньше.

Набекрень папаха,
Черный длинный ус,
Бешметом рубаха...
— Им я так горжусь!..
Седло боевое,
Бурка в тороках,
Боя огневого
Пистолет в руках;
Шашечка кривая,
— Ножны в серебре —
Песня удалая,
Та, родная мне...
Шашку ту кривую
Ввысь он занесет,
Гикнет в даль степную, —
Конь в карьер возьмет...
Только засмеется
Он под черный ус
И все вдалеку несется...
— Им я так горжусь!..

II. Теперь.

Новый пестрый галстук,
„Шими“ на ногах,
Вместо шашки — палка
У него в руках;
Бальные поклоны,
Шарканье ногой,
Навещать салоны
Он привык порой;
Белые манжеты,
Сбрит уж черный ус...
Казаков ведь нету...
— Я за них стыжусь!..

Казачьей интеллигенции.

В начавшемся процессе культурно-национального возрождения Казачества немаловажную роль, конечно, должна играть казачья интеллигенция. Ряды ее к сожалению, не так многочисленны, но тем тяжелее и ответственнее ложась на нее роль. Она обязана помочь Родному Народу выбраться из сложной путаницы эмигрантских интриг к единственной, для казака возможной, чисто-казачьей государственной платформе. Ряды казачьей интеллигенции в настоящее время пополняются молодежью, оканчивающей за границей свое образование.

И вот мне хотелось бы предостеречь молодых казачьих интеллигентов от ошибки, в которую они уже с первых шагов начинают впадать. Эта ошибка — слишком большое количество иностранных слов, которыми так и пестрит речь казака-интеллигента.

На первый взгляд такого рода „предупреждение“ может показаться натянутым и даже совсем ненужным, но на деле оно необходимо и вот почему... —

Рядовое казачество уже перестает понимать свою молодую интеллигенцию. Сколько раз на казачьих собраниях мне приходилось наблюдать — как восторженно казаки, как жадно прислушиваются, когда кто либо из высказывающихся начинает говорить простым,

С. Савицкий. (Бразилия).

КОЗАЧЕ „ЯБЛУЧКО“.

Десь за морем бубонять,
А в станицю чути.
Кажуть: прийдуть визволять,
І це може бути.
Геть з станиці! геть, москаль!
Не руйнуй Козачий Край.
Надокучив вже москаль,
Чорт йому тут радий.
Хоч в світ за очі тікай
Зі своєї хати.
Геть з станиці! геть, москаль!
Не руйнуй Козачий Край.
Йшли нас ніби визволять
Від буржуазії,
А тепер самі сидять
На козацькій шії.
Геть з станиці! геть, москаль!
Не руйнуй Козачий Край.
Замикають нам церкви.
Кажуть: „Нема Бога.
„Бог тепер для вас є ми,
„Не шукай другого.
Геть з станиці! геть, москаль!
Не руйнуй Козачий Край.
Гей, москалю, не дурій!
Сиди собі тихо.
Як повіє буревій,
Буде тобі лихо.
Геть з станиці! геть, москаль!
Не руйнуй Козачий Край.
Над Козацтвом — булава!
Так йому лицьє.
Зажурилася Москва,
Що козак гарцює.
Геть з станиці! геть, москаль!
Не руйнуй Козачий Край.

всем понятным языком. И как те же самые казаки с разочарованием и пренебрежением отворачиваются от, может быть и, справедливой, и толковой речи интеллигента, добрая половина которой остается им непонятной из-за обилия иностранных слов:

— „Е, та що він там балакає, я його і слухать не хочу — не розбереш!..“ —

Господа казачьи интеллигенты, это плохой знак! Кто для кого существует — интеллигенция для своего народа, или народ для своей интеллигенции? Я думаю, что интеллигенция для народа!.. Тогда нужно позаботиться о том, чтобы казаки понимали свою интеллигенцию. Нужно на сборах и собраниях говорить таким языком, чтобы каждый казак, не смогший по тем или иным причинам получить образования, понимал — что говорится. В противном случае — разрыв, пропасть между народом и интеллигенцией, взаимное непонимание. Я не преувеличиваю — перед нашими глазами яркий пример такого разрыва — разрыва русской (великорусской) интеллигенции со своим народом... Они перестали понимать друг-друга, заговорили на разных языках и сделали врагами. Не помогли и „мужицкие“ рубахи и смазные сапоги „бар“, при помощи которых они пытались вновь сблизиться с народом.

Такого разрыва нужно бояться, его нужно предупреждать всеми возможными способами, а для этого

первое условие — говорить одним и тем же языком!

Да кроме того частое употребление иностранных слов может иметь и иного рода последствия, не менее вредные. Большая сознательная часть рядового казачества просто отталкивает такого рода „непонятные слова“ и не обращает на них (а заодно и на произносящих их) никакого внимания. Но некоторые менее сознательные — подхватывают их, запоминают — не понимая смысла — иногда коверкают и вклеивают в свою речь, по большей части „ни к селу, ни к городу!“ В виде подтверждения позволю себе привести несколько случаев из собственного опыта. —

В станичное правление заходит казак и обращается к станичному атаману с какой-то просьбой, которая не относится к числу дел, ведаемых атаманом. Выслушав просителя, он отрицательно качает головой и говорит:

— „Ні! Я у цьому ділі не спектакль.. А ти будь зо мною порадикальнее“ (!).

Другой случай, так же достаточно интересный. —

От станичного правления отъезжает очередная тачанка с проезжающим. Старый дід озабоченно смотрит вслед и кричит ямщику:

„Гляди, не бий коней, бо злякаються!“

Немного погодя проезжий, глядя на лоснящиеся крупы лошадей, одобрительно замечает:

„Хорошие у вас лошади!“

Ямщик важно кивает головой и говорит:

„О, у нас коні релігійозні!“

Я думаю, что этих примеров достаточно. Хорошего в такого рода бессмысленном повторении непонятных слов мало. А виноваты в первую голову казачьи интеллигенты, не думающие о том — понятна их речь народной массе, или нет.

Остерегайтесь же, господа казаки-интеллигенты, в особенности молодежь. Никогда не забывайте о том, что каждый насоящий казак-интеллигент — первый слуга Казачества. Следите за своей речью при разговорах с рядовыми казаками, следите за тем, чтобы они всегда ясно понимали вас!

Белград. 19-Х-1929.

Казак Шелест.

Проснитесь.

Вставайте, вы братья — кубанец, терец и донец! Пора нам, родные, отказаться от горячки партийных дрызг. Неужели еще нам не слышны тяжкие стоны родимых краев, что там уже так много погибло в борь-

бе за свободу сынов?.. Иль наши сердца огрубели в бесплодных партийных счетах? Иль, сидя в Европейском затишьи, забыли отцовский завет? Давно уже время встряхнуться, отбросить партийный хлам и всем воедино собраться под казачий свой пернач, и вместе взяться за дело всем, кто на что горазд. И знайте, что этим поможете там братьям сбросить красный гнет.

Г. Козлов.

5 сент. 1929 г.

Могила героя.

Где бурные волны порою у Крыма зловеще бурлят, где казачих не мало героев погибло на бранных полях за веру, отчизну, святыни, там в бедном наряде простом хранит Севастополь и ныне могилу с убогим крестом.

Сраженный шрапнелью на брани, лежит в ней Бабиев герой, казак он душой, сын Кубани, бесстрашный в боях, любя строй, отчизне служил многи годы, казачью нужду испытал и во дни житейской невзгоды за родину жизнь отдал.

Но в день его ранней кончины, лишь год наступает по ней, бушуют морские пучины, гром пушек и топот коней. И шум сей в могилу доходит, военный гремит ураган, герой из могилы выходит, идет на Малыхов курган.

Он в черном казачьем мундире, в сторону взглянув палачей, зовет он лихих командиров, хор певчих, своих трубачей, и гибкою шашкой сверкая и буйной встряхнув головой, вдруг видит: из южного края дивизия мчится на правый, решительный бой.

Уж красная гремит батарея, в ответ им несется: „ура!“ Настала для красной затеи решающей схватки пора. Бушует атака лихая, раздолья широкий простор, коней лишь свободно пуская и шашками-всюду сверкая, сметают там красный позор.

В сей битве жестокой, неравной смерть никого не щадит. Как прежде, дивизией славной гордится герой и следит... Вот дрогнули красные, дивизия пушки берет. Вдруг раздается команда: „дружнее, ребята, вперед!“

Но... не выдержал, видно, герой... В дни бури, невзгод, бездорожья, команду, как прежде подал потомкам лихим Запорожья и с болью сердечной сказал:

— Эх, где ты, минувшее время?! и мне погулять бы пора, но это могильное бремя навеки сковало меня! Быть хочется прежним... но, поздно могила ведь ждет!.. Он топнул сердито ногою, обратно в могилу идет.

Франция, 27 сент. 1929.

И. С. Без-ний

Казачья эмиграция.

Калмыцкому народу ко дню освящения храма в Белграде.

Тяжело вспомнить то, что было, славный Калмыцкий народ!.. Тяжело! Ибо знаешь тот чудовищный гнет, что, надвигаясь на степь, закрыл солнце собой и с грязью смешав, опоганил наш край дорогой! Вспомни, Калмыцкий народ, как по просторам несясь, сатана в одеянии красном, не щадил ни людей, ни жилья! Вспомни: кибитки-дома, отары овец, табуны лошадей. Где все это?

Все поглотила собой, крови опившись, стая зверей! А вспомни, как отступали. Вон... налетели на едущих мирно, как черти: и гибли деды, гибли матери — жены и с ними невинные дети... А дальше?.. Чужие края. Жизнь без средств. Погибли, казалось. Нет! В Бога крепкая вера целой осталась! Эту бесценную ценность сумел ты в душе сохранить и она лишь одна в силах от всякого зла тебя оградить!

Ты верил, молился и Бог за тобою следил, и молитва твоя до Бога дошла и Он тебя не забыл! С Богом беседовать можно везде, лишь бы с чистой душой! Но лучше в том месте, где мир тишина и покой! Это

место святое! Оно Божьим храмом зовется! Когда молишься в нем, к Богу молитва быстрее несется! И ты счастлив, Калмыцкий народ! На чужбине ты дом Бога создал! Крепка твоя вера! В этом деле сам Бог тебе помогал!

А. Золотов.

Клавдий Петрович Романенко.

Мне пришлось познакомиться с этим удивительно способным и любящим технику офицером в городе Осиеке в Югославии.

Молодой человек, тридцати трех лет не показывающий своим видом ничего выдающегося, при первой встрече он не произвел на меня никакого впечатления и только после того, когда я принял его, как казака, и только после того, когда я принял его, как казака, мне пришлось из его слов узнать, что он офицер в чине есаула, по заграничной профессии — моторист; хотел бы найти себе место по своей профессии.

Биография его проста, но занимательна. Кубанский казак. Сын полковника, командира пластунского батальона. Родился в городе Майкопе. Еще с детства страшно любил технику, но, вопреки своим желаниям, принужден был идти учиться в Тифлиссский кадетский кор-

пус, по окончании которого попал в Тифлисское военное училище, где окончил курс и в чине хорунжего попадает в армию.

Там изучает пулемет и делается начальником пулеметной команды. Участвует в мировой и противобольшевицкой войне и уже в чине есаула попадает в Болгарию на судно простым матросом. На судне изучает водолазное дело и в качестве водолаза объезжает Грецию, Испанию и останавливается в Италии.

Здесь прекрасно изучает моторное и слесарное дело и поступает капитаном рыболовного судна, побывши на нем два месяца машинистом.

Когда после покушения на Муссолини началось гонение на эмигрантов, он оставляет Италию, переходит с молодой женой Югославскую границу и пешком попадает в Осиек подыскивает подходящую работу. На его счастье на реке Драве оказалась моторная лодка, которую ни один из местных мастеров не мог починить, а моторная мастерская требовала за починку 5000 динар. Он берется за эту лодку и починает ее за сумму в десять раз меньшую.

К. П. Романенко.

Это как эхо пролетело по мастерским города и его приглашают в гараж, где платят ему 6 динар в час, а потом 10. Но это его не устраивает. Изучая моторное и слесарное дело, наряду с этим изучает и столярное искусство. Потом поступает на мебельную фабрику, где в три месяца изучает полировку по дереву. Работая в полировочном отделении, он с помощью ножа и лобзика из филенок делает маленького размера трюмо удивительно красивое и весьма изящное, приносит его богачу города и продает за 700 динар, бросает фабрику и поступает на чугуно-литейный завод.

Один раз приходит ко мне на квартиру и, увидев на стене испроченные часы мои, попросил дать ему на поправку. На вопрос мой: „Неужели вы знаете и это дело?“ Он ответил: „Я не починал и не знаю их механизм; но я казак, а казак, любящий родину, должен все знать, дабы быть воссоздателем ее после большевицкого разрушения, когда она станет свободной державой и будет требовать и сил и знаний“.

Через три дня он принес мне часы вполне исправными и правильно идущими и поблагодарил меня за то, что я дал ему возможность изучить механизм часов. Через пять месяцев он уже имел свидетельство часовых дел мастера. Помимо этого, он прекрасно знает фотографию и, как художник прекрасно ретуширует.

Выписал себе объектив и сам сделал фотографический аппарат. На мое удивление он заметил: „Мне удивительно все это как-то легко удается. Я на днях был у русского портного, у него была швейная машина, со-

вершенно негодная и я ему исправил ее бесплатно, лишь бы изучить и это дело, а сейчас взял для починки мотоциклет от починки которого мастерская отказалась. Смею вас уверить, что я его починю и за небольшую сумму. Я просто хочу показать этим западно-европейским мастерам, что мы, казаки, не лыком шиты, что помимо военного искусства и джигитовок мы еще лучшими мастерами можем быть, чем они сами“.

И действительно, через неделю мотоциклет был исправлен и работал, точно выпущенный из фабрики. Я попросил его сняться с этим мотоциклетом, чтобы написать корреспонденцию с его фотографией в родном журнале „В. К.“, на что он охотно согласился, прося меня „не передавать куті меду“.

В последнее время его приглашают в имение патриарха исправить моторную лодку и там же просят занять место шефа электрической станции.

Не зная электрической станции, он попросил остаться при станции простым рабочим на неделю, изучает весь ход станции и делается шефом ее.

В течении дня изучает управление автомобилем и через пять дней получает шоферское свидетельство. Изучая слесарное дело, он не пропустил и кузнечное и в настоящее время он имеет свидетельства мастера: 1) водолаза, 2) моториста, 3) столяра, 4) кузнеца, 5) монтера, 6) столяра и плотника, 7) маляра, 8) часовых дел мастера, 9) фотографа, 10) шофера и еще с кадетского корпуса хорошо рисует красками.

Сейчас его уже электрическая станция уже не интересует. Он говорит: „Что нужно, я изучил. Мне нужно поработать еще на аэропланной фабрике. Весьма жалею, что отец не дал возможности итти мне в технический институт. Я хочу использовать время эмиграции, чтобы, возвратясь на свободную Кубань, принести туда знания и посвятить себя на восстановление ее разрушенного большевиками хозяйства“.

Искренно желаю сил и здоровья этому человеку, любящему свою родину Кубань и готовому за ее счастье отдать все и посвятить ей силы и все свои знания.

Гнат Макуха.

Кубанцы в Париже.

19 октября, в субботу „Кубанская станция в Париже“ устраивала кубанскую вечеринку, которую правильно было назвать: „Концерт-бал“.

Хор Кубанской станции, который с каждым днем все крепнет и поет все лучше и лучше, в концертном отделении выполнил ряд прекрасных номеров-казачьих песен.

Давно уже не приходилось слышать такого приятного родного пения и зал награждал хор заслуженными аплодисментами. На этот раз в программу не была включена „Ты, Кубань, ты наша Родина“, очевидно по следующим соображениям: на прошлом концерте Кубанский гимн был первым номером программы, но во время пения гимна со стороны (стыдно сказать) некоторой части кубанского генералитета была допущена бестактность.

Дабы предупредить неприятность в будущем, видимо решено было Кубанский гимн в программу не включать. Но на последнем концерте произошло то, что, видимо, не предвидели устроители концерта.

По окончании концерта зал потребовал, чтобы хор исполнил Кубанский гимн, при чем, требования были настолько дружны и настойчивы, что хору ничего не оставалось, как исполнить гимн.

Как только полились первые величественные звуки гимна, весь зал как по команде встал. Но без инцидента не обошлось и на этот раз. Войсковой Старшина Кирий только глубже усаживался в стул и, несмотря на то, что ему подавались знаки встать, продолжал упорно сидеть.

Если принять во внимание то обстоятельство, что присутствовавшие в зале французские городовые в качестве блюстителей порядка, при виде того, что весь зал встал, вытянулись в струнку, взяли под козырек и оставались в такой позе, пока звуки гимна не смолкли, то поступок кубанского офицера Кирия является бес-

тактностью высшей марки. На некоторых казаков поступок Кирия произвел такое сильное впечатление, что можно было ожидать „казачьей расправы“ и, возможно, это бы случилось тогда, когда уже люди были в танцевальном зале и когда из буфета стала прибывать „батарей“, но Кирия в это время уже не было.

Благодаря распорядительности таких энергичных казаков как есаул Ковалев, Глазков и др. порядок на вечере был образцовый. На сцене после концерта были исполнены: гопак и наурская, трио Гетмана (брат, сестра и семилетняя девочка). Когда после концерта начался бал, в зале появился кубанец, одетый в черкеску, с джужиной кинжалов в руках.

Заиграли наурскую и стройная фигура казака, точно плавала по залу, показывая свое искусство. Все кинжалы он „поставил“.

Восторгом не было конца. Танцором оказался кубанский казак Г. Г. Бадьякин. Бадьякину пришлось танцевать несколько раз. Поддерживая компанию, танцевал с ним и другой кубанец, бывший тоже в черкеске, П. А. Калита.

Бал окончился, когда начали ходить трамваи и автобусы; казаки медленно начали расходиться по домам. Нам так редко приходилось веселиться по казачьи, „на всю душу“...

Концерт-бал, устроенный кубанской станицей, немного заставил забыть жестокою действительность и дал возможность хотя несколько мгновений провести в родной обстановке, в казачьей семье.

В 6 часов утра зал совсем опустел, только жена Бадьякина никак не могла уговорить мужа идти домой. Он неизменно отговаривается „сию минуту“ и все еще продолжает разговор со станичниками.

23 окт. 1929 г. Париж.

Е. Якименко.

Войсковые праздники в Братиславе.

Двадцатого октября с. г. братиславская казачья колония „справляла“ Войсковые праздники. С утра был отслужен в местной православной церкви молебен: „о здравии Войсковых Атаманов и всех казаков и казачек в изгнании сущих и на Родине томящихся“. В шесть же часов вечера состоялась в ресторане „Znojenský pivovar“ за кружкой пива дружеская беседа, которая имела своим результатом создание комиссии по организации общеказачьего аполитичного объединения в Братиславе.

В комиссию вошли представители от всех, имеющих в Братиславе, казачьих организаций, т. е.: Куркин Степан Иванович — от Донского казачьего хутора; Растринг Петр Данилович — от студенческого хутора (О. К. С. С.) и Бойко Иван Стефанович — от Вольно-Казачьего Ю. Гончарова Куреня.

Комиссии было поручено в месячный срок выработать проект устава будущей организации и предложить его на утверждение организационного сбора. Решение создать общеказачье объединение, было принято после обмена мыслей многих ораторов, когда почти все присутствовавшие (около 30 человек) сошлись на том убеждении, что у казаков много неприятелей, с которыми можно бороться только будучи спаянными в единую казачью семью, без различия „вероисповеданий“ и что „мы — прежде всего казаки“...

После „официальной части, беседа постепенно перешла в веселье с песнями и танцами.

Разошлись неохотно, решив почаще собираться „во беседушки“...

Пожелаем же будущей организации расцвести пышным цветом и объединить вокруг себя всех казаков, разбросанных по Словакии.

Да, послужит это примером и другим и да, будет нашим девизом:

— Не застыла в нас кровь казачья!

— Будем помнить, что мы, прежде всего, — казаки...

21-X-1929.

Иван Бойко.
(Гнат Большой).

В Томашеваце.

Всеказачий праздник в этом году решили устроить в селе Томашеваце, области Банат, так как этот район наиболее густо населен казаками.

На праздник собралось 60-70 человек казаков, не считая женщин.

К удовольствию собравшихся, в этот день неожиданно прибыла команда джигитов есаула Третьякова. После молебна в местном сербском православном соборе, отслуженном священником Вуичем с отличным хором под управлением Ивана Бутоша (на ектении провозглашались многолетия Атаманам Дона, Кубани и Терека, донским, кубанским и терским казакам) была отслужена панихида по убиенным Атаманам и казакам.

После Богослужения казакам была предложена в местной гостиннице закуска и чарка водки. На скромную казачью хлеб-соль прибыли и гости сербы. Были спеты Войсковые гимны. Сербы в своих речах упоминали о заслуге казачества в освободительной войне.

В 4 часа все гости и казаки были приглашены на джигитовку команды Третьякова. Лихая джигитовка доставила всем большое удовольствие и продолжалась до самого вечера. Неохотно расходились казаки после зрелища, остро напомнившего им родные станицы с их лихими джигитовками и богатыми праздниками.

Г. А.

Группа джигитов ес. Третьякова.

Казачий праздник в Марселе.

В гор. Марселе общеказачья станица отпраздновала 20 октября с. г. казачий праздник.

В лагере „Victor Hugo“ в 12 часов дня был отслужен благодарственный молебен и освящена небольшая икона, приобретенная станицей.

Во время молебна пел станичный хор.

Священник лагерной церкви о. Петр, служивший молебен, провозгласил многолетие Войсковым Атаманам и всем казакам.

При пении „вечная память“, почти у всех молящихся казаков катились слезы.

На молебне и на общем обеде, который был устроен по подписке станичным управлением, в том же помещении присутствовало свыше пятидесяти казаков и казачек.

Во время обеда первый бокал был поднят станичным Атаманом полковником Роговец.

В своем тосте он подчеркнул о значении праздника, вкратце обрисовал положение казачества в настоящее время и предложил выпить бокалы вина за Войсковых Атаманов и Казачество.

Вторым поднял бокал г. Нос. В тосте он сказал, что в этот исторический день казаки должны забыть

личные счета, отбросить в сторону политические дряги и все праздновать этот день вместе дружной казачьей семьей, как это было раньше, подчеркивая, что он рад видеть и здесь, как и в Болгарии, где он раньше жил, казаков организованными и спаянными.

Еще в начале станичный хор исполнил Донской и Кубанский гимны, при пении которых все стояли.

Казак Ильин, продекламировал несколько стихотворений. Первое стихотворение, которое он декламировал и которое вызвало у большинства присутствующих казаков бурю восторга, было взято из журнала „Вольное Казачество“, стихотворение „Кубанцам“, говорившее о вольности казачества. По окончании стихотворения были несмолкаемые рукоплескания, а часть казаков, встав из-за стола, взяли г. Ильина наруки и начали качать. Так глубоко затронули казачью душу слова этого стихотворения.

Казак Братченко в синей черкеске, ноговицах и шапке со своей женой грузинкой лихо носился в танце лезгинки, а под'есаул Ст. Ив. Шепель с одной из казачек изящно выбивал гопака.

Обед в песнях, разговорах и танцах затянулся до полуночи.

Радостно отметить, что благодаря энергии, желанию и способностям атамана станицы, помощника его и казначая, Марсельская Общеказачья станица ширится и крепнет. В ее рядах сейчас находятся хорошие, испытанные казачьи работники.

Дай Бог, чтобы и в дальнейшем станица ширилась и крепла, идя чисто казачьим путем.

23 октября, 1929 г.

(Соб. кор.)

Джигиты Е. Баева в группе сербских офицеров.

В Казачьих Землях.

„Кубанская математика“.

(Собственное изобретение Кубанских Колхозсоюзов).

Господи, если хочешь испортить свое творение — природу, то отдай ее „русскому“, а он уж „произведет“.

Сефер-бей Иезухов.

Под названием „Кубанская математика“, была помещена статья в № 245 „Правды“ от 23/X-29 г. В этой статье нет чего либо нового, нам казакам, неизвестного; тема старая, всем надоевшая (а большевикам в особенности) — продолжающийся упорный отказ кубанских советских колхозов, носящих пышное, революционное название — „Красная звезда“, „Красное зерно“, и пр. сдавать в советскую „казну“ хлеб. Колхозы осмелились даже продавать пшеницу на „вольный рынок“, т. е. голодающему населению. (Не следует забывать того обстоятельства, что и в Кубанском Крае, введены хлебные карточки на право получения $\frac{1}{4}$ кил. темного хлеба в день).

Перевыборы в Белградской студенческой станице.

27 октября в Белграде состоялся отчетный сбор Белградской студенческой станицы. На многочисленном и бурном собрании председательствовал член станицы, студент философ Е. А. Букановский, при секретаре Самойлове. Новое правление выбрано в следующем составе: Атаманом А. П. Беломестнов — куб., помощником Б. А. Кундрюцков — дон., секретарем К. Поликарпов и казначеем И. М. Фастунов — донцы. Председателем ревизионной комиссии П. Голицын, членами Немальцев — дон. и Канарев — куб.

В виду позднего времени пункт повестки: „текущие дела“ перенесен на следующее воскресенье. Сбор постановил считать Е. А. Букановского почетным членом правления станицы. В состав станицы вступило около 20 новых членов казаков и казачек.

(Соб. кор.)

Казачи-джигиты в Греции.

Не так давно группа джигитов Ефима Баева знакомила югославян с искусством казачьей езды, где они пользовались большим вниманием, как со стороны офицеров, так и простого населения, что видно из приво-димой ниже фотографии, где с джигитами сняты полковник, комендант города Н., и его офицеры югославяне.

Сейчас эта группа делает турне по Греции, где

также с успехом прославляет казачье имя, так как и здесь их работа вызывает интерес. Побывав в городах Флорине, Ларисе, Салониках, где они оставили по себе доброе воспоминание джигиты собираются ныне попасть в Африку, где вероятно, также сумеют завоевать симпатии и гордо развернуть казачье знамя.

Г. Алферов.

той же статьи: „Из каких расчетов вы составили и как, хлебные излишки? — Вот как: (щелк на счетах) что то около 50 тонн; (щелк на счетах) — 60 т. нет, ах простите, кажется, (опять к счетам) что то близкое к 70 т. или к 80 т. . . Мы взяли средний урожай по каждому району, прикинули несколько % и получили средний урожай по колхозу; этот урожай разделили на 2 части; меньшую — 48% — считаем продовольственной, другую большую — за излишки... Реален ли такой баланс? — Приходится считать реальным“...

Почему „приходится“ считать такой баланс колхоза реальным, об этом „Правда“ не пишет. Невольно мне вспоминаются слова Ленина, сказанные им крестьянам в 1922 году: „Прикажу и всей России придется стать на четвереньки и лаять по собачьему“!..

Между тем со всех сторон приходят вести о не сдаче хлеба (кубанские „кулаки“ сдали лишь 60%, а середняки едва 20%), целый ряд колхозов не сдал вообще хлеба. (Плоский, Брюховецкий), в ст. Березанской обнаружен тайный склад 9 „зажиточных“ 1200 цент. пшеницы и т. д. Не помогает большевикам в этом и „контрактация“. Чтобы увеличить количество посева, советское правительство выдавало по 7½ рублей на гектар, требуя лишь подписать договор, совершенно не спрашивая в состоянии ли данное лицо засеять землю. Некоторые лица ухитрились подписывать по 3 раза „контрактацию“ и „втройне“ получать деньги. Жители смотрят на „контрактацию“, как на способ „получать даровые деньги кому не лень или просто как на пособие от советов, чтобы „не бунтовали“. В Ставропольской губ. и на Кубани на эту тему распеваётся даже песня:

„Мы не сеем и не жнем
Контрактацией живем, —
Получая Божий дар
Семь с полтиной на гектар“.

Большевики заключили множество контрактов на посевы, роздали уйму денег и... не добились ощутительных результатов. По сведениям „Правды“ „Известий“ „Красного знамени“ — имеются сообщения о неудовлетворительном выполнении посевного плана. В Терском округе план посева выполнен на 60%, а на Кубани едва на 40%. Вспашка зяби на Тереке — 20%, а на Кубанских землях, в Армавирском округе едва достигает 10%. „Есть ли смысл заводить дело?“ „пачется“ та же „Правда“.

Не так давно можно было прочесть в американских газетах о новом „трюке“ Форда, американского автомобильного „короля“. Форд предложил большому промышленному городу Детройту, бесплатно мыть, чистить и исправлять все его мостовые и тротуары, с тем условием, чтобы вся грязь и мусор поступал в его, Форда, исключительное распоряжение. На этой весьма оригинальной операции „рационализатор“ сумел в несколько месяцев нажить приличную сумму долларов. Какая противоположность большевицкому хозяйничанью! Большевицкое правительство разорило богатейшую Кубань, сделав ее почти нищей, и продолжает переводить деньги в „прах“, — Форд же развил и рационализировал промышленность, сотням тысяч людей предоставил приличный заработок, удешевил цену автомобилей в несколько раз и продолжает из „пыли и грязи“ получать доллары.

Понстине „Кубанская математика“ говорит не в пользу „красной Москвы“.

О. Батурич.

На Дону.

„Красный петух“.

Бой казачества против коммунистов не ослабевает ни на минуту. Казаков запугивают беспощадными расправами, высылкой на север и в Сибирь и ядовитой травлей со стороны коммунистической общественности, но казаки уже не в состоянии терпеть издевательства, обиды и окрадательства со стороны большевиков. Среди казачества, не имеющего ни малейшей возможности организовать для борьбы, как зарницы на темном небосклоне, из казачей среды выходят энтузиасты и герои, готовые, ценой собственных жизней и жизней

своих родных, доказать большевикам головотьяпам и бандитам, что ще е порох в пороховницах и бьют из обзоров и всякими другими способами представителей ненавистной советской власти и их приспешников.

Пришельцы из центра — большевицкие пасынки в казачьих станицах и темные силы из местных проходимцев, натравленные и поддерживаемые гос. аппаратом, начинают хозяйничать и издеваться над местным старым обывательством — казаками, проявляя, т. наз. по большевицкой терминологии, партийный активизм. Вот против этих-то паразитов и опричников советской власти казачество ведет „классовую“ борьбу, доходящую до открытого террора. Эта борьба набирает особенной остроты теперь, когда после молотьбы урожая этого года, советская власть развернула хлебозаготовки. Донской корреспондент „Эконом. Жизни“ сообщает, что за последнее время в Хоперском округе наблюдаются весьма многочисленные случаи попыток со стороны казаков террором подавить инициативу станичных и хуторских активистов, приходящих на помощь хлебозаготовкам. Так в станице Новокалитвинской через несколько же дней после организации мощного красного обоза с хлебом, казаки сожгли у многих крестьян-общественников их необмолоченный хлеб. В том же районе казаки сожгли весь хлеб у председателя стан. совета г. Грузинцева за то, что он также принимал деятельное участие в организации красного обоза. У комсомольца г. Загородного подожгли гумно за то, что он первый выполнил задание по хлебозаготовкам. В станице Черкасской у бедняка Тихонова, активного работника, стоявшего во главе колхоза, сожгли дом. В одном Черкасском районе за месяц зарегистрировано 16 „подозрительных“ пожаров. Для борьбы с „красным петухом“ привлекаются всевозможные советские организации и пускаются в ход разные меры воздействия вплоть до арестов и привлечения к ответственности казаков ничего общего не имеющих с поджигателями, но которые принадлежат к „чуждым“ элементам социалистическому строительству большевицкого рая. Какой кошмар душевных мук приходится переживать большевицким глavarям в станицах каждую ночь, может служить нижеследующая заметка селькора — ... у нас в целом Черкасском районе все ответственные работники принуждены ночами бдеть... часто ночью схватываются с постели и с „ноганом“ в руках в одном белье, накинув на себя пальто ходят по улицам станиц...

Такое безумное напряжение всей нервной системы днем и ночью может окончиться не для одного ценного советского работника „желтым домом“...

Неразбериха с заготовками хлеба.

Несмотря на величайшие усилия большевиков выполнить планы хлебозаготовок в Казачьих Землях, их из года в год постигает неуспех. Планы весенних и летних хлебозаготовок не были выполнены, несмотря на все старания большевиков и преследования Казачества.

После весенней неудачи, постигшей большевиков на этой „командной высоте“, предполагалось, что после уборки урожая хлеб самотеком польется в расставленные хлебозаготовительные пункты Союзхлеба, потребительской и сельско-хоз. кооперации. Но коммунисты промахнулись. Казачество, прижатое тисками гос. аппарата уплатой податей с одной стороны и нуждой в промышленных товарах — мануфактуре, обуви и т. д.) — с другой, добровольно не повезло сдавать хлеб в советские ссыпки, где платятся твердые цены за хлеб, в ущерб его производителям. Административным органам сотый раз пришлось нажимать ручки клейщей принудительного воздействия, чтобы в конце-концов Казачество повезло свой хлеб, посредством организованных большевиками „красных обозов“ (индивидуальные хозяйства притягиваются к коллективной ссыпке). Но неразбериха и конкуренция между хлебозаготовителями — Союзхлебом, потребительской и сельско-хоз. кооперацией — неоднократно дискредитировали „красные обозы“ и это принудило стан. советы в конце-концов „отмахнуться“ от организации индивидуальных хозяйств для коллективной ссыпки хлеба. Нель-

зя продуктивно работать в тяжелой атмосфере неурядиц, антагонизма, насилия и конкуренции и потому хлебозаготовители часто встречаются краснообозников суховато, долго заставляют простаивать в очередях или разыскивать приемщиков хлеба. При таком отношении к сдатчикам, частнику удается перехватывать хлеб. Частник, как говорят большевики, „совершает налеты“ даже из Астрахани. Неразбериха среди хлебозаготовителей громадна. До сих пор никто из них не может толком выяснить — кому, где и сколько заготовлять. Хлебозаготовители рвут хлеб друг у друга из рук. Хлебозаготовительные „верхи“ в начале исключительно надеялись на новую организованную силу, на колхозы, но и колхозы не оправдали к ним доверия. Началась осень, а хлеба нет как нет из совхозов. „Молотилок нет“ оправдываются они, а в действительности ждут пока уладится вся неразбериха, царящая на хлебозаготовительном рынке округа. Так сообщает Грушевский корреспондент.

Мешечничество.

Нуждаясь в иностранной валюте, большевики вывозят за границу хлеб, оставляя минимальные запасы в каждом хозяйстве, недостаточные даже для питания семейств и корма скота, при чем, как нам сообщают из станицы, в учет не принимают ни птицу, ни свиней, ни собак и т. д. Издаются декреты, предписывающие суровую борьбу с мешечничеством и спекуляцией, но это не помогает. Всюду стоят заставы, устанавливают самые тщательные слежки за мешечниками, скупщиками и мукомолами, а в результате по всему Дону плывут мелкие суда-лодки и дощанники. Этим способом местные жители везут хлеб, маскируя его чем попадется — дровами, арбузами, известью, старым кирпичем и т. д.

Как и в предыдущих годах, усиленно занимаются мешечничеством матросы и железнодорожники, пользуясь тем, что их профсоюзы и однопартийцы-коммунисты в милиции и в разных большевистских организациях, не борются с этой разнузданой спекуляцией. Власти также не принимают никаких репрессивных мер — своим людям — заслужившим перед Революцией и Октябрем все можно делать. Матросы где-то и от кого-то добились разрешения провозить каждый рейс полцентнара муки на человека и, пользуясь этим разрешением, матросы грузят мукой десятки дощанников. От матросов не отстают железнодорожники. Все железнодорожные линии Казачьих Земель, заполнены железнодорожниками-мешечниками. В Ростовском районе за спекуляцию мукой принялись даже рыбаки. И они соблазнились прибылью в 300—400 процентов.

Всем и каждому известно, что мешечничество — детище недостатка и бедствия, при определенных притеснениях со стороны властей. Но уже прошло девять лет, с того момента, как на территории СССР нет ни одного неприятельского солдата — девять лет должно было бы протекать мирное строительство хозяйственных взаимоотношений. Но что же мы видим?

Большевики своим планированием и „точнейшим“ учетом всего до мелочей, не только не улучшили материальное состояние населения, со времени их воцарения, но, создав миллионную армию чиновников-коммунистов, только усложнили бюрократию и миллионы людей привели к нищенскому положению. Даже рабочие некоммунисты не имеют возможности, не ускользнув от ока чекиста, привезти домой пару пудов муки и зерна для обеспечения столь необходимым продуктом питания своих семей и чтобы избавиться от мук бесконечных очередей у кооперативов и гос. лавок. В то же время коммунисты-матросы и железнодорожники свободно везут муку не только для своих семейств, но и для злостной спекуляции — для наживы за счет „отверженных“ — жертв октября, уцелевших от застенков чрезвычайцаек. Советская власть существует не для проведения в мир социализма, как они кричат на каж-

дом шагу, но для жестокой эксплуатации коммунистами беззащитного сельского населения и в первую очередь казачества.

Религиозные беспорядки в Грушевске.

На страницах нашего журнала неоднократно отмечалось в письмах со станиц и отдельных заметках, как большевики стараются провести в жизнь одну из догм коммунистической программы — среди народных масс, искоренить религию, организовав всевозможные кружки безбожников, производя антирелигиозные демонстрации и т. п. Самые крутые меры преследования духовных особ и бесчисленные случаи большевистского кощунства над святынями не ослабляют религиозности среди народных масс, но наоборот — усиливают и расширяют религию — число верующих с каждым годом увеличивается.

Ростовская „Рабочая Газета“ с большим опозданием приносит извещение о больших религиозных беспорядках в городе Грушевске. Причиной этих беспорядков было распоряжение Р. И. К., которым Преображенская церковь отдавалась под устройство коммунистического клуба. В последнее воскресенье после литургии, перед приходом специальной комиссии от городского совета для совершения акта отречения, священник Козлов в своей проповеди между прочим сказал:

„Братья, слуги антихриста ведут упорный бой против нашей родной церкви. притесняя нас как первых христиан в Древнем Риме. Коммунисты и их приспешники плюют на святые иконы и порочат имя Божие“... Агенты советской власти прервали проповедь священника и выгнали молящихся из церкви. Когда к церкви пришла комиссия от городского совета, церковь была замкнута и на дверях, кроме церковного замка, висело около 30 замков, повешенных верующими. Члены комиссии хотели взломом открыть двери, но несколько десятков человек, вооруженных палками, бросились на членов комиссии и безжалостно их избili. Колокольный звон созвал к церкви массу местных жителей. Коммунисты пытались защищать членов комиссии, но толпа избилла и их. Когда пришел отряд милиции, толпа кинулась на него и обезоружила милиционеров крича: „... долой с защитниками коммунизма“... Даже ночью верующие не расходились по домам. Когда ночью приехал председатель городского совета Ершов и секретарь Р. И. К. (районного исполнительного комитета) Колосков и хотели с речью обратиться к толпе, колокольный звон заглушал их... толпа кинулась на балкон и большевики были сброшены с балкона.

Долго еще толпа волновалась, но прибывший отряд ГПУ (бывшей „чеки“) моментально разогнал толпу, массу арестовал — в том числе и священника Козлова, предав суду, как контр-революционера, пытавшегося насильем свергнуть советскую власть.

На Кубани.

Борьба за хлеб.

Для оплаты границей привозимых в СССР всевозможных машин и товаров, большевики крайне нуждаются в иностранной валюте, потому, что никто, никогда и ничего не дает даром. Потому коммунисты прилагают все старания к тому, чтобы могли возможно больше вывезти за границу хлеба, как единственного большого экспортного продукта, которым можно было покрыть пассив их торгового баланса. Приводя централизованным способом хлебозаготовку через своих чиновников на местах, большевики стараются как можно больше выкачать зерна из села и в первую очередь из Казачьих Земель. Казачье население оказывает упорное сопротивление советским хлебозаготовителям и ежегодно проваливаются планированные хлебозаготовительные кампании. Всякие усилия большевиков, через организацию комиссий содействия хлебозаготовкам, через решения станичных собраний об обя-

Новый адрес редакции журнала „В. К.“ с 15-го сего ноября:

..... PRANA - VINOHRADY, RADNOŠŤSKÁ, 9.

зательной сдаче хлеба и через всевозможные нажимы финансовых агентов и большевистских кооператоров, у казачьего населения забрать весь хлеб не удастся. Казачество часто уничтожает плоды своего тяжелого труда, но не отдает за безценок большевикам. Тысячи активнейших сынов казачества томятся в советских тюрьмах, массы ссылаются на север и в Сибирь, но никакие угнетения не могут принудить хозяев безвозмездно работать на коммунистов. Ударившись лбом о стену единодушного отпора станичного населения, скашивающего зеленым и уничтожающего свой хлеб, большевики стали прибегать к утонченным способам учета в каждом хозяйстве всего наличного хлеба. Письма из станиц сообщают нам о строжайшем учете и контроле обмолота зерна — у каждой молотилки стоит комиссар, записывающий сколько кто намолотил хлеба, чтобы забрать до последнего фунта. Для того чтобы ускользнуть от комиссарского ока, казаки стали молотить хлеб цепями, пользуясь сухим и долгим ле-

том этого года. Большевики увидели, что их планы грабежа, через контроль при обмолоте, провалились, поставили своих чиновников в мельницах, рассуждая так, что мол уж мельницы никто не минет — не молотое зерно никто есть не будет. И что же случилось? Казаки выдумали иной способ обхода своих местных аппаратчиков. Майкопский корреспондент сообщает, что в Майкопском округе казаки нашли способ увернуться от общественного контроля при помоле. Они везут молотье хлеб на сторону за несколько десятков километров. Так, например, из округа везут молотье в Адыгею, а оттуда адыгейцы везут в округ.

Вышенаведенные примеры говорят нам о тех страшных страданиях и гонениях, о том тяжелом положении казачества на своих землях в роли пасынков, в котором приходится существовать, борясь всеми способами против бесчеловечного окрадательства и грабежа плодов тяжелого труда наших станичников.

Библиотека „Вольного Казачества—Вильного Козацтва“. Кн. 3.

Вышла из печати и поступила в продажу

Книга Стихов Юрия Гончарова.

Цена 10 к. ч. Обращаться в редакцию журнала „В. К.“

Печатается календарь-альманах

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА—ВИЛЬНОГО КОЗАЦТВА“

на 1930 год.

В литературно-политическом сборнике-альманахе календаря помещены, между прочим, следующие статьи и произведения:

И. Билый. Казачья Идея.

Ис. Быкадоров. Казакия (историко-географический очерк).

В. Бейсуг. Экономический очерк Казачьих Земель.

С. Федоров. Краткий очерк истории Казачества.

И. Билый. Территория и население Казачьих Земель.

М. Бытынский. Казачьи гербы.

В. П. Елисеев. Два раза под Петроградом.

П. И. Кокунько. Странички прошлого.

и др., равно как и целый ряд произведений казачьей литературы.

Календарь-альманах поступит в продажу в начале декабря.

Предполагаемая цена: в Ч. С. Р. 30 к. ч.; за границу — 1 ам. доллар.

Каждый казак должен иметь свой, казачий календарь на 1930 год.

Исходный - А. Битинский - 1919.